

Гранкин И.В.

АДВОКАТСКИЕ ИСТОРИИ

Игорь Васильевич Гранкин

Адвокатские истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68893833

SelfPub; 2023

Аннотация

Уважаемые читатели, впервые издана книга, в которой рассказывается о многоаспектной деятельности современных российских адвокатов по защите в судах интересов своих доверителей. Включенные в книгу истории убедительно доказывают, что успех адвоката, как правило, обусловлен умением убедительно толковать законодательные нормы применительно к ситуации, в которой оказался его доверитель, способностью находить свидетелей, правдиво рассказывающих об увиденном происшествии, неустанным поиском и доведением до суда аргументов, опровергающих виновность подсудимого в предъявленном ему обвинении. Многие включенные в книгу истории показывают, что добиться законного и справедливого судебного решения адвокатам удастся не сразу. Зачастую для этого нужно пройти по всем судебным инстанциям, растрачивая интеллектуальные и душевные силы, проявляя терпение и настойчивость, доказывая, что несправедный приговор – такое же зло, как и само преступление, и не может быть приведен в исполнение в обществе.

Содержание

Слово к читателям	4
Раздел 1. Как адвокаты защищают подсудимых	7
Точка в деле трижды обвиняемого	7
За державу обидно...	30
Пример исключительной абсурдности	39
Кто ответит за убийство?	55
Драма на кухне	78
«Врач не Бог»	96
Фальсификация	114
От обвинения отказываюсь...	135
Злополучная находка	143
Виновен, но не осужден...	154
Двойная защита	163
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Игорь Гранкин

Адвокатские истории

Слово к читателям

Уважаемые читатели, впервые издана книга, в которой рассказывается о многоаспектной деятельности современных российских адвокатов по защите в судах интересов своих доверителей. Включенные в книгу истории убедительно доказывают, что успех адвоката, как правило, обусловлен умением убедительно толковать законодательные нормы применительно к ситуации, в которой оказался его доверитель, способностью находить свидетелей, правдиво рассказывающих об увиденном происшествии, неустанным поиском и доведением до суда аргументов, опровергающих виновность подсудимого в предъявленном ему обвинении.

Многие включенные в книгу истории показывают, что добиться законного и справедливого судебного решения адвокатам удастся не сразу. Зачастую для этого нужно пройти по всем судебным инстанциям, растративая интеллектуальные и душевные силы, проявляя терпение и настойчивость, доказывая, что несправедный приговор – такое же зло, как и само преступление, и не может быть приведен в исполнение в обществе, членам которого небезразличны идеи человеко-

любия и гуманизма.

Убежденность адвоката в соответствии закону своей позиции позволяет достичь желанной цели в виде освобождения подзащитного от необоснованного обвинения в преступных грехах и незаслуженного наказания, его реабилитации, восстановления честного имени обратившегося к нему человека, возвращения собственности и сохранения бизнеса доверителю.

Диапазон изложенных в книге адвокатских историй весьма широк. В нее включены истории, показывающие работу адвокатов не только по защите граждан, обвиняемых в убийстве, получении взятки, превышении должностных полномочий, совершении автодорожных происшествий с тяжелыми последствиями. Большой интерес представляют истории, в которых рассказывается об особенностях выступления адвокатов в судах с участием присяжных заседателей и и полемики с государственными обвинителями.

В книгу включены и истории, в которых показана специфика работы адвокатов по защите материальных интересов доверителей в гражданском и арбитражном судопроизводстве. К ее достоинствам относится и географическая широта историй. Автору удалось найти истории, показывающие работу адвокатов от Калининграда до Камчатки, и таким способом соткать словесную картину труда адвокатов в масштабах Российской Федерации.

Книга «Адвокатские истории» предназначена не только

для практикующих адвокатов. Она представляет интерес и для иных читателей, которых интересуют практика труда адвокатов в судах по защите интересов своих доверителей.

Автор благодарит всех названных в книге адвокатов за оказанную помощь в подборе материалов для написания адвокатских историй .

Автор

Раздел 1. Как адвокаты защищают подсудимых

Точка в деле трижды обвиняемого

Приступая к защите человека, обвиняемого в убийстве, адвокат должен видеть в нем только человека, который, как и все люди, любит, страдает, переживает, заботится о своих близких. Адвокат не вправе думать о возмездии, радоваться тому, что наконец-то обвиняемого настигнет кара, что он будет ограничен в свободе, будет нести тяготы тюремной жизни в одиночной камере и, в конце концов, умрет на нарах, не испытав всего многообразия человеческих радостей. А еще адвокат должен принимать все сказанное обвиняемым в убийстве, как говорится, за чистую монету, критически оценивать обвинительное заключение и речи государственного обвинителя, искать погрешности расследования совершенного преступления и обстоятельства, смягчающие вину подсудимого. Иначе адвокат не сможет выполнить свой профессиональный долг по отношению к обвиняемому в совершении преступления и содействовать вынесению справедливого приговора.

С такими установками вошли в дело по защите в суде Сер-

гея Анатольевича Бычкова адвокаты Адвокатской палаты Московской области Андрей Владимирович Перов и Игорь Александрович Исаев. Для них это было первое дело, когда человек обвинялся в двойном убийстве и бандитизме. Да еще тогда, когда травой заросли следы реально совершившихся преступлений, так как после случившихся трагических событий прошло более 15 лет.

Из материалов, собранных органами предварительного расследования, явствовало, что Бычков совместно с другим лицом из-за неприязненных отношений, возникших на почве спора о присвоении Морозовским не менее 300 тысяч рублей, убили его особо жестоким способом. Случилось это преступление, по всей вероятности, 21 апреля 2001 года. На выезде из Нижнего Тагила, у автозаправочной станции, Бычков и его поделщик встретили Морозовского. На почве неприязненных отношений, под угрозами они затолкали его в багажник «Жигулей». Отъехав на участок грунтовой лесовозной дороги, Бычков остановил машину. Далее, судя по словам ехавших за ними на второй машине их знакомых, поделщик нанес Морозовскому не менее двух ударов тупым твердым предметом по голове. После этого Бычков оттащил его в кусты, затем облил бензином из канистры, которую взял в машине. Чтобы довести замысел убить Морозовского до конца, Бычков, как написано в обвинительном заключении, «при помощи спичек поджог бензин. Вследствие ожога дыхательных путей и молниеносной формы отравления оки-

сью углерода на месте наступила смерть Морозовского».

Не менее тяжким было обвинение Бычкова и в том, что он, действуя в составе устойчивой вооруженной группы, в течение не менее десяти дней наблюдал за другой жертвой предстоящего преступления – Машинским. Узнав, что Машинский в 14 часов 16 октября 2002 года приедет в парикмахерскую «Мария», организатор группы принял решение лишить его жизни во время стрижки. Судя по следственному протоколу, этот замысел был реализован выстрелами из автомата Калашникова (АК-74 калибра 5,45 мм), снаряженного «не менее чем 13 патронами того же калибра. В результате произведенных выстрелов Машинский получил несколько ранений и скончался на месте происшествия».

Весьма серьезным было и третье обвинение Бычкова. По версии следствия, с сентября 2002 года он был участником устойчивой вооруженной группы, созданной для нападения на граждан и организации.

В общем, Голливуд отдыхает со своими киношными криминальными историями по сравнению с тем, что творилось в одном из крупных городов Урала и в его пригородах в начале 2000-х годов. Действия Бычкова органы предварительного расследования квалифицировали по части 2 статьи 209 Уголовного кодекса РФ (бандитизм – наказание до 15 лет лишения свободы) и по пунктам «а», «ж», «з» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса РФ (убийство – наказание до 20 лет лишения свободы). Кроме того, данной статьей допускается

смертная казнь виновного и пожизненное лишение свободы. Как известно, с 1996 года наложен мораторий на смертную казнь, а вот пожизненное лишение свободы иногда применяется.

По горячим следам изобличить преступников не удалось. Прошло более десяти лет, когда возобновили производство по названным тяжким преступлениям.

Вступив в дело, А.В. Перов и И.А. Исаев сразу поняли настрой следователей. Следственная группа во чтобы то ни стало хотела доказать, что Бычков являлся активным участником совершенных убийств и других противоправных действий. Находясь в плену своих желаний, а может быть, и желаний других неведомых адвокатам лиц, следователи сочинили обвинительное заключение, полагая, что их авторитета будет достаточно для вынесения присяжными заседателями обвинительного вердикта. Более того, бытовало мнение, что еще не родился судья, который не согласится с выводами, которые сделали следователи. На стороне следователей была и прокуратура, утвердившая обвинительное заключение в отношении Бычкова.

Такая позиция следствия и прокуратуры, естественно, не способствовала объективному расследованию, позволяла желаемое выдавать за действительное и затрудняла работу адвокатов. А в суде еще проявилась предвзятость председательствующего судьи. В связи с этим И.А. Исаев был вынужден сказать присяжным заседателям, что это первый процесс

в его практике по всей России, где судья даже не пытается скрывать своей личной заинтересованности в осуждении подсудимых.

Но особая сложность этого судебного процесса состояла в том, что его участниками были 12 присяжных заседателей. Именно от их решения зависела дальнейшая судьба Бычкова. Именно они должны были вынести вердикт о его виновности или невиновности. Значит, архиважная задача А.В. Перова и И.А. Исаева состояла в том, чтобы присяжные заседатели поверили им, так же как и они сами поверили в невиновность Бычкова. В этом была принципиальная позиция А.В. Перова и И.А. Исаева. Они берутся за дела по «убийственной» статье, но только в том случае, когда убеждены в невиновности человека, обвиняемого в убийстве.

Такая убежденность у А.В. Перова и И.А. Исаева сформировалась после ознакомления с делом С. Бычкова и общения с ним. Заметим, что Бычков отсидел в ходе предварительного следствия в изоляторе, но был выпущен за недоказанностью в совершении трех тяжких преступлений. Выйдя на волю, не скрывался. Когда началось судебное разбирательство, сам пришел в суд на заседание, где он обвинялся в двойном убийстве и бандитизме. Теперь в ходе судебных заседаний адвокатам предстояло свою убежденность довести до присяжных и убедить их в невиновности Бычкова, в необходимости вынесения в отношении его оправдательного вердикта.

В отличие от правоохранительных органов и судов, которые располагают мощным административным ресурсом, в арсенале адвокатов имеется всего лишь один-единственный ресурс в виде глубоких обстоятельных профессиональных знаний, включающих в себя не только знание тонкостей уголовного права. В делах с участием присяжных заседателей еще необходимо суметь максимально доходчиво растолковать присяжным заседателям суть уголовного закона и мотивы поведения участников судебного процесса, не задевая их самолюбие. Весьма важно, чтобы после или во время речей адвокатов у присяжных заседателей не возникало желания принять решение вопреки «указке» защитников подсудимого. Нельзя довести их до состояния, когда хочется крикнуть:

– Да кто вы такие, чтобы нас учить? Мы и сами с усами.

Если такие слова произнесут присяжные, то все – жди обвинительного вердикта. Понимая, что на кону судьба человека, А.В. Перов и И.А. Исаев проявляли максимальную деликатность, когда обращались к присяжным, раскрывали нюансы правовых норм, показывали погрешности обвинительного заключения, ошибки в выступлении государственного обвинителя. Чтобы быть убедительнее, А.В. Перов и И.А. Исаев даже курс специальных лекций прослушали по проблемам выступлений в суде с участием присяжных заседателей. И не зря. Учеба пошла им на пользу при подготовке выступлений в защиту Бычкова. Перов начал защитительную речь с благодарности в адрес присяжных за то, что они вни-

мательно следили за судебным процессом. Затем подчеркнул их ответственность словами:

– Когда решаются судьбы людей, крайне важно быть предельно внимательным.

Далее он не просто развил мысль об ответственности присяжных. Он стал исподволь ориентировать их на необходимость вынесения оправдательного вердикта, сказав, что самое сложное для адвоката – защищать человека, зная, что он невиновен. Свою задачу и задачу своего коллеги И.А. Исаева он видел в том, чтобы донести до присяжных заседателей «страшную правду о том, что судят невиновного человека».

Как бы сочувствуя присяжным, А.В. Перов говорил:

– Перед вами очень сложная задача – за один месяц разобраться в самых тяжких и сложных обвинениях. С 2001 по 2018 год следователи расследовали дело, а суд вам предложил за месяц сделать то же самое и взять на себя огромную ответственность – вынести вердикт.

Этими словами адвокат бросил очередной камешек в огород следствия и прокуратуры, беспрецедентно затянувших следствие, а еще один камешек был брошен в их адрес за то, что на «голову» заседателей свалили столь необычное дело. **Нападение на обвинение**

А.В. Перов усилил упреком в адрес государственного обвинителя, который во время своих выступлений в суде пугал фамилии жертв и свидетелей преступлений, формально поддерживал обвинение, а «картину преступления» нари-

совал не маслом, а лишь легкими штришками простым карандашом. По мнению адвоката, в результате обозначился лишь «набросок» преступления, а реальные действия подсудимых, в том числе и Бычкова, прокурор не смог охарактеризовать.

С целью вызвать у присяжных сомнение в том, что следователи и государственный обвинитель «глаголят истину», А.В. Перов сказал, что именно адвокаты делают все возможное, чтобы заседатели могли максимально объективно исследовать каждое доказательство. Затем доверительно посоветовал присяжным, как бы сочувствуя сложности их миссии:

– Вам предстоит оценить все доказательства в совокупности.

С первых фраз своей речи А.В. Перов ненавязчиво показывал, что именно он и его коллега провели работу, необходимую для установления истинного положения дела, именно они сделали выводы, которым можно доверять и на их основе выносить вердикт. Не забыл А.В. Перов напомнить, что все сомнения трактуются по российским законам в пользу обвиняемого.

После такой прелюдии А.В. Перов приступил к конкретной критике обвинительного заключения и соответственно описывать былые события. Начал он эту часть своего выступления с анализа обвинения Бычкова как участника убийства Машинского. Адвокат напомнил присяжным, что, по мнению обвинения, убийство Машинского совершено по

найму. Если с этой версией согласиться, на скамье подсудимых должен сидеть человек, который заказал убийство. Кроме того, прокурор должен сообщить мотивы преступления, назвать исполнителя и денежные суммы, которые он получил за выполнение заказа. Но, увы, обвинение не назвало ни заказчика, ни исполнителя убийства, ни получателей денег. Раз так, то можно предположить, что такое обвинение – это не более чем выдумка, огромное белое пятно в расследовании преступления. Однако парадокс в том, что Машинского действительно убили. Этому предшествовала слежка за ним, которая велась несколько дней. Бычков в ней участвовал, но убить человека он не мог. Обвинение представило свидетельницу по фамилии Петрова, имеющую статус секретного свидетеля, которая сказала, что П-н – подельник Бычкова рассказал ей, как он из окна машины расстрелял Машинского. Если поверить этим показаниям, то получалось, что убийца – подельник Бычкова. Но, как ни странно, сам прокурор опроверг это утверждение. Адвокаты также считали, что не он убийца. Дело в том, что убийство Машинского произошло во внутренней комнате парикмахерской. Для того чтобы П-н его убил, находясь в салоне машины, ему нужно было стрелять через кирпичную стену. Но в конкретном случае такая «стрельба» была невозможна.

Развивая доказательства несостоятельности обвинения, адвокат сообщил, что в день убийства Бычков праздновал крещение сына. Это, по мнению государственного обвини-

теля, не исключало тот факт, что он мог подвезти на место преступления убийцу. Иронизируя по поводу такого утверждения, А.В. Перов спрогнозировал как бы в его поддержку следующую ситуацию:

– Когда Бычков выбирал куски мяса для шашлыка, его вдруг озарило. Он представил себе, что Машинский начал стричься в парикмахерской, находится без оружия и отпустил своего телохранителя. Поняв все выгоды этой ситуации, Бычков кладет на мангал шашлык, затем неизвестно откуда берет убийцу с автоматом и еще троих подельников, сажает всех в какую-то машину и везет до парикмахерской. Там убийца стреляет в Машинского, и все куда-то исчезают. Бычков же спокойно возвращается домой и продолжает как ни в чем не бывало жарить шашлык.

Ирония – сильное оружие, и адвокат блестяще воспользовался этим ее свойством с целью внушить заседателям абсурдность обвинения Быčkова как участника убийства Машинского. Завершая свой анализ этого эпизода обвинения, А.В. Перов задал присяжным вопрос:

– Возможно ли такое? Конечно, нет. Чушь полная. Тем более, если всем было известно, что убитый – влиятельный авторитет преступного мира и имел вооруженную охрану.

Пытаясь противостоять словам адвоката, прокурор подал реплику «там же недалеко», имея в виду, что Бычков жил вблизи парикмахерской. Парируя ее, адвокат сказал, что так может сказать прокурор, который никогда не был на месте

преступления. Затем добавил:

– Никто не мог спрогнозировать, что перед самым окончанием стрижки Машинский отпустит своего телохранителя. Следовательно, у убийцы было всего минут пять, чтобы убить Машинского. За это время невозможно сделать то, что вменяется в вину Бычкову.

Значит, по событию этого преступления у него было алиби.

Глядя на присяжных, адвокат ненавязчиво пояснил:

– Алиби означает, что в момент совершения преступления обвиняемый находился в другом месте. Алиби Бычкова подтверждалось крещением сына, вызовом скорой помощи и тем, что его машину невозможно было выгнать из гаража, так как его ворота были заблокированы другими машинами. Удивительно, что следователь не стал учитывать эти факты, когда готовилось обвинительное заключение. Видимо, действительно после 17 лет расследования нужно было найти козла отпущения и закрыть дело. Таковым был назначен Бычков, который не хотел сотрудничать со следствием.

Показав, что обвинение Бычкова в части соучастия в убийстве Машинского шито белыми нитками, возможно, чтобы не утомлять присяжных заседателей, А.В. Перов обратил их внимание на то, что банды из одного человека не бывает. Не бывает банды и без преступлений. Этот пассаж был обусловлен еще и тем, что по договоренности данный эпизод обвинения Бычкова подробно проанализирует И.А.

Исаев, что было вполне разумно.

Сэкономленное время А.В. Перов использовал для показа недоказанности участия Бычкова в более раннем убийстве, а именно в убийстве Морозовского. По версии следствия, на АЗС «Газпромнефть» в дневное время Бычков и А-в избili Морозовского за какие-то прегрешения и, затолкав его в багажник, поехали в лес. В лесу Морозовский, как уже сказано ранее, был убит. Эту версию следствия подтвердили и свидетели обвинения непосредственно в суде.

Чтобы присяжные усомнились в их показаниях, А.В. Перов задает как бы риторический вопрос:

– Как вы думаете, нужно ли было А-ву и Бычкову под видеокамерами у автозаправки бить человека, да еще при других людях, подъезжавших к АЗС?

Затем А.В. Перов сообщил суду, что автозаправки «Газпромнефть» появились через пять лет после описываемых событий, но следователь попросту упустил этот момент.

Умело использовал А.В. Перов показания двух свидетелей обвинения о том, что на месте преступления, то есть уже в лесу, куда эти свидетели поехали за машиной Бычкова, А-в ударил Морозовского битой по голове, после чего он обмяк. А.В. Перов пояснил присяжным, что во время ранее проведенных в суде допросов свидетелей со стороны обвинения он задавал им один и тот же вопрос:

– Была ли у них возможность предотвратить убийство?

Смысл этого вопроса был не в том, чтобы услышать от

них «да» или «нет». Свидетели, кстати, ответили, что возможности предотвратить убийство у них не было. Этот вопрос задавался с другой целью. А.В. Перов пояснил присяжным, что этот вопрос он задавал для того, чтобы выяснить, был ли в данном случае эксцесс исполнителя. Со ссылкой на статью 36 Уголовного кодекса РФ он пояснил, что эксцесс исполнителя – это совершение исполнителем преступления, которое не охвачено общим умыслом с действиями других лиц. Понимая значимость этого разъяснения и для правильной ориентации заседателей при вынесении своего вердикта А.В. Перов проиллюстрировал суть эксцесса исполнителя следующим примером. Он сказал:

– Представьте себе, уважаемые присяжные заседатели, что хорошо одетые люди попросили таксиста подвести их к банку и затем подождать некоторое время. Таксист выполнил просьбу своих пассажиров и стал ждать. Когда они вернулись, водитель отвез их по указанному адресу. Через некоторое время выясняется, что люди, которых таксист подвозил к банку, убили охранника и совершили ограбление. Таксист не был осведомлен о преступном замысле грабителей. Поэтому он не подлежит уголовной ответственности. Если бы таксист знал о планах преступников и специально ждал их, чтобы увести с места преступления, тогда он был бы соучастником данного преступления.

Отталкиваясь от этого примера, А.В. Перов заключил:

– Судя по версии свидетеля, никто не знал, что А-в убьет

Морозовского ударом биты по голове. Значит, никто, кроме самого А-ва, который уже ушел из жизни, не виновен в убийстве. В тот момент, когда все поняли, что Морозовский умер – «обмяк», как сказал свидетель, преступление должно считаться совершенным. Все остальные действия, в том числе и Бычкова, можно квалифицировать как угодно, только не убийством, поскольку для всех Морозовский умер после удара, нанесенного ему названным лицом.

Завершил данную часть своего выступления А.В. Перов выводом о том, что наличие эксцесса исполнителя в рассматриваемом случае в полной мере подходит для оправдательного вердикта в отношении его доверителя.

По мнению адвоката, подкрепляют основания для оправдательного вердикта Бычкову и показания жены погибшего Морозовского. Она сообщила, что свидетель С-в угрожал ей и ее ребенку, когда узнал, что она готовится подать заявление в полицию. Выяснилось, что после убийства Морозовского он давал вдове деньги, чтобы та «не шумела».

Комментируя такие сведения, А.В. Перов поставил под сомнение показания свидетелей обвинения. По его мнению, более логично предположить, что отбывающий наказание за другое преступление свидетель К. убил Морозовского, а не А-в или Бычков. Ведь иначе его приятелю С-ву не было смысла пытаться откупаться от Морозовской. Да и если верить положенным в основу обвинения показаниям К. о том, что Бычков обильно обливал из канистры труп, он бы обго-

рел полностью. Но экспертиза показала, что на убитом даже одежда не сторела и его засыпали снегом.

Адвокат обратил внимание присяжных заседателей и на странное поведение председательствующего судьи во время допроса вдовы Морозовского. Судья прерывал ее, уводил от прямых ответов на вопросы, делал все возможное, чтобы заседатели не услышали всех ее показаний. Между тем ее показания также могли быть положены в основу оправдательного вердикта. Ведь очевидно, что свидетельница не имела интереса выгораживать Бычкова, которого она не знала до суда. Тем более что показаниям свидетелей обвинения нельзя доверять из-за их заинтересованности скрыть подлинные мотивы убийства Морозовского и разоблачить настоящего убийцу. Поэтому нельзя согласиться и с мнением прокурора о том, что К., которого доставили в суд из колонии как свидетеля со стороны обвинений боится лжесвидетельствовать. Ведь если положить на чашу весов штраф за ложные показания и ответственность за убийство, то очевидно, что человек должен бояться не штрафа, а разоблачения в убийстве.

Подводя итог своему выступлению, А.В. Перов отметил, что все показания Бычкова вполне логичны, они стыкуются со всеми фактическими доказательствами, что он не скрылся от суда, не по принуждению приходит на его заседания, желая получить подтверждение рассказанной им правды о преступлениях, которые разбираются в суде. Закончил А.В. Перов свою речь обращением к присяжным заседате-

лям объективно проанализировать все события случившегося и выносить свое решение, когда не останется и малейшей доли сомнения в обоснованности оправдания невиновного человека.

Квалифицированно и убедительно в защиту Бычкова выступил и его второй адвокат. И.А. Исаеву удалось, не повторяя речь А.В. Перова, высветить новые грани случившихся печальных событий. По предварительной договоренности со своим коллегой он более объемно, чем это делал А.В. Перов, дал характеристику участникам судебного процесса. Далее, обращаясь к заседателям, он сказал: «Подошел к концу процесс, осталось самое главное – не ошибиться при вынесении вердикта». Затем как бы «попенял» адвокатам, сказав, что защитников Бычкова можно обвинить в том, что они несколько дней занимали внимание суда, но это делалось для того, чтобы их доверителя не обвинили в том, что он не совершал, чтобы пусть через почти 20 лет установить справедливость, обелить честное имя Бычкова.

И.А. Исаев обратил внимание заседателей на парадоксальную ситуацию. Обвиняемый в трех тяжких преступлениях Бычков «своими ногами» пришел в суд, рискуя в случае ошибки присяжных быть осужденным на 20 лет. Подобных примеров в России нет. Ведь невозможно, чтобы опасный преступник, обвиняемый в двух убийствах и бандитизме, находился на свободе. Обращаясь к прокурору, адвокат попросил ответить, как же он – «око государево» – допустил

такое, чтобы убийца «гулял» на свободе.

Пытаясь «подсказать» прокурору дать правильную оценку дела, И.А. Исаев отметил, что он человек системы и формально обязан поддерживать обвинение по собранному следователем уголовному делу. Но как гражданин прокурор обязан отказаться от абсурдных обвинений, а не перекладывать решение этого сложного вопроса на присяжных. Не дождавшись ожидаемой от обвинителя реакции, пояснил присяжным, что у прокурора не хватит смелости на гражданский поступок. Методика обвинения, по мнению И.А. Исаева, состояла в том, чтобы как можно больше вменить подсудимому обвинений. Такая методика напоминает выстрел из ружья крупной дробью. Если одна дробишка не попадает в цель, то обязательно попадет другая, которая тоже, как и первая, смертельна. В результате не будет испорчена статистика оправдательных приговоров. В графе «реабилитация» будет стоять ноль, а не единица.

Адвокат без всяких обиняков заявил, что, добиваясь своей цели, государственный обвинитель не хотел, чтобы жена Морозовского давала правдивые показания, подтверждающие невиновность Бычкова. Но разве женщина, в 20 лет лишившаяся мужа и оставшаяся с ребенком на руках, станет выгораживать человека, о котором в суде говорят как об убийце ее мужа? Оценивая показания свидетелей, которые как бы указывали на причастность Бычкова к убийству Морозовского, И.А. Исаев сказал, что данный случай – класси-

ческий пример «слова против слова». То есть против показаний этих свидетелей были показания Бычкова. В то же время адвокат признал, что, видимо, после случившихся убийств, Бычков на первоначальных этапах следствия смалодушничал, так как боялся за свою семью и не помогал расследованию совершенных преступлений. В этом его можно было обвинять, но в убийствах он не участвовал.

Не оставил И.А. Исаев без внимания результаты проведенных судебно-медицинских экспертиз, о которых говорил государственный обвинитель. Проведенная сразу после обнаружения трупа Морозовского экспертиза четко определила, что причиной смерти явилась черепно-мозговая травма. Из показаний С-ва видно, что его бил по голове А-ов. Он же сказал, что Бычков облил Морозовского и поджег. По этому поводу в экспертизе от 21 мая 2001 года был сделан вывод о том, что «ожог кожи носит, вероятно, посмертный характер». Комментируя этот вывод, И.А. Исаев отметил:

– Судя по экспертизе и если согласиться с показаниями свидетеля С-ва, то получается, что Бычков поджег труп, а это не убийство.

Судебно-медицинские экспертизы были проведены и накануне судебного разбирательства. Но И.А. Исаев просил не признавать их результаты как доказательства верности версии свидетелей обвинения в части участия Бычкова в убийстве. Ведь эксперты в заключении от 22 марта 2017 года сделали вывод лишь о том, что ожоги «состоят предположитель-

но в причинной связи с наступлением смерти». Проведенная через две недели комплексная экспертиза пришла к выводу о том, что «выводы носят предположительный и вероятностный характер». Естественно, такие результаты экспертизы адвокат использовал как дополнительный аргумент невиновности Бычкова в убийстве Морозовского. Ведь на предположениях нельзя обвинять человека.

Не оставил И.А. Исаев, как говорится, камня на камне и на обвинении Бычкова в бандитизме. Действительно, как можно бандитизм вменять одному человеку, не называя членов банды, ее главаря, вооруженных преступлений, которые совершила банда. А если Бычков 15 лет назад выдал полиции оружие, то почему его еще тогда не привлекли к уголовной ответственности? Кроме того, Исаев сказал, что перед тем, как обвинять в бандитизме человека, следует учитывать разъяснение Верховного Суда России 1997 года о том, что от иных организованных групп банда отличается своей вооруженностью и своими преступными целями – совершение нападений на граждан и организации.

Абсурдность обвинения по этому поводу адвокат объяснил только целью психологически сломать Бычкова, создать условия, чтобы он оговорил себя в убийствах. Затем можно будет отказаться от обвинения в этой части в связи с истечением срока давности. Но Бычков не поддался и проявил крепкий уральский характер.

Как абсурдное и беспочвенное обвинение Исаев оценил и

обвинение Бычкова в причастности к убийству Машинского. Адвокат сказал, что относительная причастность к этому делу Бычкова подтверждалась лишь показаниями свидетеля обвинения, который за условно-досрочное освобождение любую версию может озвучить. А вот реальных доказательств причастности Бычкова к убийству Машинского из его уст не прозвучало. И.А. Исаев, так же как и ранее А.В. Перов, задался вопросом:

– Кто заказчик убийства, если убийство, как утверждает обвинение, совершено по найму, где тетрадь, куда Бычков записывал во время слежки места передвижения Машинского?

На эти вопросы у обвинения ответа не было. И.А. Исаев обратил внимание заседателей на якобы феноменальную память свидетеля обвинения, который сообщил суду, что в такой-то день Машинский вышел из офиса в 11 часов 30 минут. На следующий день слежка велась с 11 часов 15 минут до 15 часов. Напомнив эти показания, И.А. Исаев обратился к заседателям с вопросом:

– Кто-нибудь из вас помнит, что он делал весь сентябрь 2002 года, возможно ли помнить поминутно события каждого дня?

После паузы сам ответил на свои вопросы:

– Это, как и не существующая тетрадь с записями, очередная выдумка следствия, чтобы придать показаниям видимость правды.

Исаев предположил, что свидетель обвинения смалодушничал, подписывая допросные протоколы. Ему хотелось раньше выйти на свободу или, в крайнем случае, улучшить условия своего содержания в колонии.

Что касается рассуждений прокурора по рассматриваемым в суде преступлениям, то И.А. Исаев согласился лишь с его словами о том, что нельзя убивать людей. Это бесчеловечно и приносит страдания и горе их близким.

Затем И.А. Исаев вновь обратился к заседателям со словами:

– Поверьте, в случае вашей ошибки Бычков получит максимальный срок. Это очевидно по поведению и личной заинтересованности председательствующего судьи.

Как бы закольцовывая свою речь, что позволяло вспомнить ее содержание, И.А. Исаев напомнил присяжным о том, что в начале процесса он спросил у них:

– Кто из вас считает, что невиновный должен находиться на свободе? Я был рад правильному ответу на этот вопрос каждого из вас. Сейчас свобода Быčkova в ваших руках. Вспомните свои ответы на мой вопрос. От себя прошу вас быть справедливыми.

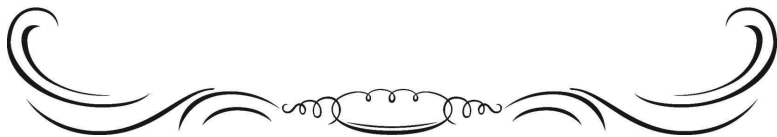
Столь блестящие речи Андрея Владимировича Перова и Игоря Александровича Исаева произвели впечатление на присяжных заседателей. Все 12 присяжных заседателей Сергея Анатольевича Быčkova признали невиновным во вменяемых ему преступлениях.

В связи с этим Свердловский областной суд в составе председательствующего судьи и коллегии присяжных заседателей 24 мая 2018 года приговорил на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей оправдать Бычкова С.А. по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 209 Уголовного кодекса РФ (бандитизм), в связи с непричастностью к совершению преступления. В соответствии с оправдательным вердиктом суд оправдал его по предъявленному обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных пунктами «а», «ж», «з» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса РФ (убийство) в связи с непричастностью к совершению преступлений. Суд отменил меры пресечения С.А. Бычкова – подписку о невыезде и арест на его автомашину.

Как ни удивительно, без каких-либо реальных доказательств виновности Бычкова Генеральная прокуратура в лице заместителя Генерального прокурора РФ Ю.А. Пономарева внесла в Верховный Суд РФ апелляционное представление на названный выше приговор Свердловского областного суда. Но и здесь А.В. Перов и И.А. Исаев оказались на высоте. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в составе уже трех профессиональных судей своим определением приговор Свердловского областного суда с участием присяжных заседателей от 24 мая 2018 года оставила без изменения, апелляционное представление заместителя Генпрокурора – без удовлетворения.

Профессионализм и добросовестность А.В. Перова и И.А. Исаева оценил и их доверитель. Он прислал на имя президента Адвокатской палаты Московской области А.П. Галоганова письмо, в котором благодарил своих спасителей за то, что они смогли не допустить судебной ошибки и доказали его непричастность к вменяемым ему тяжким преступлениям.

Вот такой happy end. Да, чего только в жизни не бывает.

За державу обидно...

Когда на скамье подсудимых находится таможенник, вполне уместно вспомнить слова киногероя замечательного фильма «Белое солнце пустыни» Верещагина. Отказавшись пропустить бандитов за границу, он сказал:

– Я мзду не беру. За державу обидно...

В неравной схватке с бандой Абдулы отважный таможенник погиб несломленным, не поступившимся своими принципами. По нынешним временам таможенникам рисковать жизнью не нужно. Но быть честным, «не брать мзду» каждый из них обязан. Честность – критерий профпригодности таможенников. На протяжении следствия, длившегося более двух лет, а затем и восьмимесячного судебного процесса государственной таможенной инспекции одного из таможенных постов Калининградской областной инспекции Николов (фамилия изменена) доказывал, что он мзду не брал.

Отстаивать свою честь Николову помогал адвокат Алексей Александрович Созвариев. Он вступил в дело, когда следственные действия были закончены. Собранные следователями материалы были направлены в Калининградский областной суд.

Николов был взят под стражу, как только было возбуждено уголовное дело по взяточничеству в отношении десяти таможенников, обеспечивавших работу вышеуказанного та-

моженного поста. В обязанности Николова входили оформление грузовых таможенных деклараций и дача разрешения на провоз через границу Российской Федерации товаров и грузов.

По версии следствия, руководитель таможенного поста и два его заместителя создали преступную группу, в которую, кроме них, входили семь государственных таможенных инспекторов, в том числе и подзащитный А.А. Созвариева. Они объединились для систематического получения от представителей участников внешнеэкономической деятельности денежного вознаграждения за ускоренное и беспрепятственное таможенное оформление декларируемых товаров.

Через данный таможенный пост провозили товары и грузы два общества с ограниченной ответственностью. За каждый оформленный пакет документов к грузовой таможенной декларации представитель одного общества передавал старшему смены таможеннику по 30 долларов США, представитель другого общества рассчитывался рублями. Для него один оформленный документ стоил одну тысячу рублей.

Преступная группа действовала четыре месяца. За этот период таможенники «собрали» взятку на один миллион двести тысяч рублей. За такие действия члены преступной группы обвинялись в преступлении, предусмотренном пунктами «а» и «г» части 4 статьи 290 Уголовного кодекса РФ.

В настоящее время количество составов преступлений по

этой статье увеличилось. Поэтому ранее содержавшийся в части 4 состав преступления переместился в часть 5. Данной частью предусмотрена ответственность за получение группой должностных лиц непосредственно или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества за незаконное оказание взяткодателю услуг имущественного характера или предоставления иных имущественных прав, если указанные услуги входят в их служебные полномочия. Серьезное преступление. И ответственность за него немалая.

Суд вправе лишить виновного свободы на срок от семи до двенадцати лет. А еще виновный должен будет уплатить штраф в размере до 60-кратной суммы взятки. Кроме того, его могут лишить права занимать определенные должности на срок до десяти лет. Это и понятно. Взятничество наносит существенный вред государству, подрывает устойчивость установленного им правопорядка. Так что кропотливый труд следователей по изобличению взяточников заслуживает всяческого одобрения. Но имея власть над подсудимыми, они должны использовать ее с особой осторожностью. Такая осторожность должна проявляться прежде всего в недопущении необоснованного содержания подсудимых под стражей.

В отношении Николова такая осторожность не была проявлена. Иначе как объяснить почти трехлетнее содержание в следственном изоляторе? С его коллег по службе на злополучном таможенном посту взяли подписку о невыезде на

период следствия и суда, обязав по вызову следователя являться на допросы, а затем в суд. Такую меру можно было применить и к Николову. Ведь размер вменяемой ему взятки был относительно невелик – чуть более 90 тысяч рублей, а именно 90 677 рублей 19 копеек.

Уголовное дело начальника таможенного поста и двух его заместителей выделили в отдельное производство для рассмотрения в особом порядке. Проще говоря, таким образом можно рассматривать уголовные дела, когда виновные «добровольно» признаются в совершении преступления, что облегчает работу и следствию, и суду. Но в «выигрыше» и подсудимые. Как правило, им назначают наказание ниже низшего предела, предусмотренного статьей, по которой они обвиняются.

Так было и в данном случае. Начальник таможенного поста и его заместители признались во вменяемом им преступлении и получении в виде взяток 1 миллиона 200 тысяч рублей. За содеянное им были назначены незначительные наказания.

Параллельно, с участием присяжных заседателей, шло судебное разбирательство злодеяний остальных семи таможенников, среди которых был и подзащитный А.А. Созвариева. Несмотря на завершение судебного разбирательства в отношении руководителей таможенного поста, позиция двух участвующих в суде государственных обвинителей в отношении других таможенников не менялась. После их обвини-

тельных речей пришло время выступить адвокату А.А. Созвариеву. Его речь в защиту Николова имела значение и для решения судом судьбы всех семи подсудимых.

Обращаясь к присяжным заседателям, А.А. Созвариев сказал:

– Мы знаем, что самая точная наука – математика. Так вот. Взятки в размере 1 миллион 200 тысяч рублей брали руководители таможенного поста, но в получении этих же денег обвиняются мой подзащитный и другие таможенники, сидящие на скамье подсудимых. Разве можно одни и те же деньги взять дважды? Думаю, ответ очевиден...

Короткая речь адвоката произвела впечатление на присяжных заседателей. Видимо, на их вердикт повлияло и последнее слово Николова. Он говорил... стихами. В его рифмованном выступлении были такие строки, обращенные к присяжным заседателям: Вы стойко заседали в зале, Порой устало закрывали взор. Стороны все доводы сказали И, кажется, окончен спор.

Далее в таком же стиле он высказал свою позицию по сути рассматриваемого преступления:

Порой ходил на «волоске», Но я законов не нарушил!
В чужой игре мы были «пешки», Мы оформляли ГТДэш-ки¹, Другие строили дворцы!

Завершилось последнее слово Николова словами, которые опять были адресованы присяжным заседателям:

¹ Так таможенники называют грузовые таможенные декларации.

– Чтоб вас не мучали сомнения, к чему себя потом корить?

– примите верное решение: «помиловать» или «казнить».

Последней фразой подсудимого стали: «Уверен, вы по совести поступите и не забудете о слове “гуманизм”».

Речь адвоката А.А. Созвариева, напоминавшего присяжным заседателям о том, что «математика – точная наука», и поэтическое слово Николова необычно звучали в стенах зала судебных заседаний. Необычным был и вердикт присяжных заседателей.

На вопрос: имело ли место рассматриваемое преступление? – они ответили: да, имело.

А вот на вопрос: виновны ли в совершении преступления Николов и его товарищи, оказавшиеся на скамье подсудимых? – они единогласно ответили: нет, не виновны!

Соответственно, 12 голосами присяжных был утвержден оправдательный вердикт.

Оправдательный вердикт был особо значим для Николова, который в зале суда был освобожден из-под стражи. Получалось, что два года и восемь месяцев он зря, то есть необоснованно, содержался под стражей.

Столько же «сидел» и старший смены таможенного поста, который якобы непосредственно получал деньги от представителей внешнеэкономической деятельности. Остальные пять обвиняемых во взяточничестве не были арестованы, но были обременены подпиской о невыезде.

Вердикт присяжных свидетельствовал о том, что тактика следствия оказалась провальной. Поэтому и упомянутые в начале данного очерка слова киношного таможенника «за державу обидно» следовало бы адресовать именно следователю, который осуществлял следственные действия в отношении Николова. Ведь лишать человека свободы только лишь по подозрению в совершении преступления без надлежащей доказательной базы – явное злоупотребление своей властью.

Такой позиции следствия способствует отсутствие серьезной ответственности следователей за результаты своей работы. Оправдательные приговоры в отношении лиц, которыми они занимались в период следствия, не влияют на их карьеру.

Николова же именем Российской Федерации председательствующая в судебном заседании профессиональная судья приговорила оправдать в связи с отсутствием события преступления. Подобным образом были оправданы и остальные шесть подсудимых. Николов также получил право на реабилитацию, то есть на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

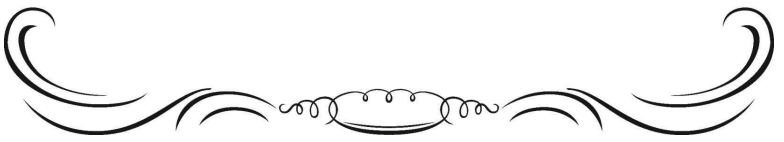
Государственный обвинитель опротестовал этот приговор в Верховный Суд РФ. Рассмотрение апелляционного представления не затянулось. Триумvirат из членов Верховного Суда РФ признал оправдательный приговор обоснованным и законным.

После этого пришло время получения компенсационных

выплат Николову. Из государственной казны он получил зарплату за весь период незаконного нахождения под стражей и компенсацию за моральный ущерб. Хорошо, конечно. Хоть таким способом государство попыталось загладить вину перед Николовым, взяв на себя расходы за ошибки ведущих следствие должностных лиц, облеченных властью, но неумело ею распорядившихся. Однако Николов не вернулся на службу в таможенные органы. Не захотел вновь подвергать себя риску и опять доказывать, что мзду он не берет.

Адвокат А.А. Созвариев в свою очередь продолжает выступать на стороне своих доверителей, помогая судьям выносить справедливые законные решения. А еще он возглавляет Адвокатскую палату Калининградской области и использует свои организаторские способности для поддержки коллег.

Пример исключительной абсурдности

В конце декабря 2010 года адвокат Адвокатской палаты Московской области Игорь Борисович Бушманов защищал в Московском городском суде с участием присяжных заседателей Каторгина, обвиняемого в совершении пяти преступлений. Преступления, которые ему вменялись, были весьма серьезные, в том числе грабеж и похищение человека, совершенные в составе организованной группы, вымогательство в целях получения имущества в особо крупном размере. В этих же преступлениях обвинялись еще восемь человек. Все они работали в службе безопасности компании «Евросеть». И вот, судя по обвинительному заключению, в один из летних дней, находясь в служебном помещении офиса, действуя в группе совместно с участием Каторгина, у потерпевшего С-на потребовали предъявить личные вещи. Затем у него отобрали доллары США на сумму, эквивалентную 190 тысячам рублей, и документы на автомобиль иностранного производства. Дальше хуже. Угрожая применить насилие, С-на отвели в оружейную комнату, вынудили отдать ключи от указанной машины и удерживали примерно до 8 часов утра следующего дня, лишив возможности свободного передвижения и общения с другими людьми.

На этом мучения С-на не закончились. Когда его выпустили из заточения, он заметил, что за ним следят. Вскоре С-на,

против его воли, отвезли в арендованную службой безопасности компании «Евросеть» квартиру, которая находилась, как было записано в обвинительном заключении, в неустановленном месте г. Москвы.

Через день начальник службы безопасности названной компании Левин, действуя в группе совместно и по согласованию с Каторгиным и другими лицами, отпустили С-на. Однако на следующий день его опять вызвали в служебный кабинет Левина. Здесь Каторгин нанес С-ну не менее двух ударов кулаками по голове, затем потребовал продать квартиру, принадлежащую его матери. Кроме того, от С-на потребовали часть вырученных от продажи квартиры денег. Чтобы создать стрессовую ситуацию и ускорить продажу квартиры, Каторгин и еще один охранник стали звонить матери потерпевшего, приходили к ней на квартиру и угрожали уголовными преследованием ее сына, если ущерб, якобы причиненный ее сыном ООО «И-д» в сумме, эквивалентной 10 300 долларам США, не будет возвращен. Опасаясь реализации угроз, мать С-на была вынуждена продать свою квартиру и передала сыну 10 300 долларов США для погашения ущерба, который, по мнению Левина, он нанес компании, где сам работал.

Далее случилось событие, выходящее за рамки названных выше преступлений. С-н принес деньги организатору преступной группы Левину. Пересчитав деньги, он приказал внести всю до копейки сумму в кассу ООО «В-с», ко-

торуЮ также охраняли Левин и его команда. Без объяснения причин такого распоряжения Левина этот факт также нашел отражение в обвинительном заключении. Его необычность не насторожила следователей, которые проводили предварительное расследование дела группы Левина. А зря. Ведь такой финал борьбы за сохранность имущества ООО «В-с» как бы говорил, что в Москве появились люди, действующие методами Робин Гуда. Он, правда, отбирал у богатых нажитое непосильными трудами богатство и раздавал его беднякам, не оставляя себе ничего. Левин и его сотоварищи, принуждая С-на компенсировать деньгами украденное у ООО «В-с» имущество, тоже не заботились о личном обогащении.

Если бы не было еще нескольких потерпевших от самоуправства Левина и его команды, то, возможно, и описываемого уголовного дела не было бы. Но в реальности случилось иное. В обвинительном заключении было записано, что, подключив сотрудника милиции, Левин и его сотоварищи стали оказывать давление на гражданина В-на с целью изъятия у него и его родственников имущества, денег и прав на имущество. Включенный в левинскую команду сотрудник полиции обратился за поддержкой к коллегам из районного отдела внутренних дел. Совместными усилиями они задержали В-на, надели на него наручники и отвезли в заранее арендованную в ближайшем Подмоскowie квартиру, за что получили от Левина 1 тысячу долларов США. Левин организовал охрану похищенного человека. Каторгин и другие участники

группы охраняли В-на и против его воли через каждые сутки перевозили в другие квартиры. Хотя В-на охраняли каждую смену по два человека, на 25-е сутки он смог сбежать ночью из квартиры, где его держали как пленника.

Но на этом не кончились злоключения В-на, связанные с Левиным и его командой. Через семь месяцев после того как он удрал от похитителей, они приехали в Тамбовскую область и угрожая его родственникам, не гнушаясь при этом насилием, забрали находившуюся у родни В-на иномарку без номеров, стоимостью в 50 000 долларов. Эта машина принадлежала жене В-на, но Левин, как было написано в обвинительном заключении, распорядился ею в интересах группы.

Такой компенсации за попытку В-на завладеть имуществом компании «Евросеть» оказалось недостаточно. По поручению Левина один из охранников изготовил документы с недостоверными сведениями о получении упомянутым ранее С-ным 900 000 рублей в кассе ООО «В-с», приказ о принятии на работу С-на и В-на, договоры о материальной ответственности С-на и В-на. Затем заставили С-на подписать эти поддельные документы, а также заучить информацию о том, что он дал В-ну 900 000 рублей, который их присвоил. С-н написал заявление в следственный комитет Москвы о том, что В-н завладел указанной суммой денег, а один из членов группы Левина отнес заявление в следственные органы, которые возбудили уголовное дело № 49872.

Далее, согласно обвинительному заключению, организованная группа, в том числе и Каторгин, стали отказывать психологическое давление и применяли насилие к В-ну и его родственникам с целью изъятия у них денег и принадлежавшего им имущества. Чтобы както избежать учащавшихся избиений, надевания на голову полиэтиленового пакета, В-н уговорил жену, мать, отца, тестя и тещу ускорить передачу имущества, денег, прав на требуемое имущество.

Такие преступные действия группы Левина в отношении С-на и В-на длились более года. Подсудимым удалось получить нотариально оформленную доверенность на продажу квартиры В-на, после продажи которой Левин распорядился полученными деньгами в интересах группы. Таким же способом была реализована автомашина В-на. Левину и его группе передали документы, включая доверенности на продажу нескольких земельных участков, где имелись не завершенные и завершенные строительством строения. В общем, судя по обвинительному заключению Левин, Каторгин и другие участники организованной группы по-крупному поживились.

Но, как известно, нарушители законов рано или поздно попадают на скамью подсудимых. Оказались на ней и Левин, Каторгин и еще семь человек. Их судьбу должны были решить присяжные заседатели. Для того чтобы их вердикт был справедливым, они, как говорил еще в XIX веке адвокат Федор Плевако, должны соблюсти три условия, а именно закон-

ность, здравый смысл и совесть. Эти условия должны соблюдаться и присяжные заседатели XXI века при подготовке своего вердикта. Иначе невозможно принять законное и справедливое решение. Неоценимую помощь в этом ответственном деле им оказывают адвокаты. Они помогают не смотреть на подсудимых глазами обвинителя, доказывают, что, кроме позиции следователя и прокурора, есть иная позиция, иной взгляд на подсудимого и совершенные им действия. Поэтому зачастую позиция адвоката имеет решающее значение при формировании позиции присяжных заседателей.

Позиция адвоката И.Б. Бушманова была диаметрально противоположной позиции государственного обвинителя. Уже во вступительном заявлении он сказал, что обвинение Каторгина в совершении перечисленных прокурором преступлений основано на предположениях, неверной оценке обстоятельств дела и фактических действий, совершенных подсудимым. Этой оценки он придерживался и во время произнесения речи в защиту Каторгина. Естественно, подтверждая свою защитительную речь ссылками на законодательство и реально происходившие события с участием его доверителя.

Как сообщил И.Б. Бушманов, в компании «Евросеть», которую охраняли Левин и другие сотрудники службы безопасности, в том числе и Каторгин, совершались систематические хищения. В конце концов, им удалось вычислить расхитителей. Они сообщили об этом в окружное Управление

внутренних дел. Его сотрудники не проявили должной настойчивости в возмещении ущерба, нанесенного С-ным и В-ным компании «Евросеть» и входящим в нее другим структурам. Поэтому, зная что расхитители находятся на свободе, Левин и иные сотрудники службы безопасности стали сами защищать интересы компании «Евросеть», признанной потерпевшей от преступных действий С-на и В-на. Они, кстати, как уже отмечалось, также являлись сотрудниками компании «Евросеть», но их цели не совпадали с целями охранников.

Против В-на было возбуждено уголовное дело. Но через полгода его прекратили. Вот и пришлось и сотрудникам службы безопасности действовать по пословице «Спасение утопающих – дело самих утопающих». Но из этого не следовало, что из сотрудников службы безопасности компании «Евросеть» была образована организованная преступная группа, а Каторгин был ее участником. Адвокат напомнил, что понятие организованной группы дано в части 3 статьи 35 Уголовного кодекса РФ. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно осуществлено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Устойчивость характеризуется стабильностью состава, наличием организатора и руководителя группы, прочными связями между соучастниками, продолжительностью существования во времени. По мнению И.Б. Бушманова, следствие не предста-

вило доказательств о том, что сотрудники службы безопасности компании «Евросеть» составляли группу, подпадающую под эти признаки, и о том, что его подзащитный был участником преступной группы. Во время событий, которые следствие считало периодом совершения вменяемых группе преступлений, Каторгин занимал «низовую» должность в подразделении службы безопасности компании «Евросеть» и не принимал каких-либо управленческих решений. Он, как и другие ее сотрудники, выполнял свою трудовую функцию, за что получал «белую» заработную плату. Продолжал Каторгин работать в составе компании и после событий, которые попали в поле зрения следствия.

Анализируя ту часть обвинения, в которой Каторгин обвинялся в причастности к похищению В-на, адвокат вновь обратился к закону, раскрывающему понятие похищение человека. Согласно статье 126 Уголовного кодекса Российской Федерации, похищением человека считаются незаконные действия по изъятию человека против его воли из естественной для него среды путем его захвата и перемещения в другое место. Такое перемещение в арендованную квартиру осуществили другие сотрудники службы безопасности. И.Б. Бушманов обратил внимание на замысел органов предварительного расследования «пристегнуть» к этому эпизоду и других ее сотрудников записью в обвинении о том, что указанные действия проводились «с ведома остальных участников организованной группы». Однако доказательств след-

ствие и государственный обвинитель в суде о том, что Каторгин знал о действиях других сотрудников безопасности в якобы похищении В-на и тем более каким-либо образом дал свое согласие на их совершение, в материалах дела нет. Каторгин был лишь один раз привлечен для охраны В-на, находящегося в тот момент в съемной квартире. Причем он не имел желания лишать свободы В-на. Он охранял В-на с целью недопущения его побега, что усложнило бы исполнение требований о возмещении нанесенного компании ущерба. Его дежурство закончилось дракой между ним и В-ным, именно дракой, а не избиением последнего, о чем говорили следы чужих кулаков на лице Каторгина. Все это свидетельствовало, по мнению И.Б. Бушманова, об ошибочности и юридической несостоятельности позиции обвинения о причастности Каторгина к похищению В-на.

Защита также пришла к выводу о несостоятельности фактов участия Каторгина в грабеже С-на и вымогательства в отношении его матери. Да, Каторгин контактировал с ней, но только для объяснения о том, что С-н нанес большой материальный ущерб компании «Евросеть», и для того, чтобы компенсировать этот ущерб, следует продать имеющееся в ее распоряжении имущество. Комментируя эпизод обвинения о том, что Каторгин неоднократно звонил по домашнему телефону матери С-на и угрожал привлечением ее сына к уголовной ответственности, если не будет погашен нанесенный им ущерб в компании в 10 300 долларов США, И.Б. Бушма-

нов сказал, что для ответа о правомерности следует ориентироваться на ее показания. Мать С-на действительно была потерпевшей, но только не от подсудимых, а от своего сына. Из заслушанных в суде показаний матери С-на усматривалось, что после того, как она узнала от сотрудников компании о претензиях к ее сыну, она самостоятельно приняла решение о продаже своей квартиры, а после ее продажи она передала сыну 20 000 долларов США. С-н внес в кассу компании «Евросеть» 10 300 долларов США, о чем получил квитанцию. Остальной валютой он распорядился по своему усмотрению без ведома своей матери. Каторгин к его манипуляциям никакого отношения не имеет.

Далее И.Б. Бушманов сказал, что голословно обвинение его доверителя, как участника организованной преступной группы, в психологическом давлении и физическом насилии в отношении В-на и его родственников – матери, отца, жены и тещи. С В-ным Каторгин встречался лишь однажды ночью. Их встреча закончилась обоюдным обменом тумаками. В драке Каторгин оказался сильнее. Поэтому драку нельзя расценивать как заранее подготовленную акцию. Она была спонтанным сиюминутным действием и объяснялась личными мотивами.

С родственниками В-на подсудимый вообще ни разу не встречался. Но это не помешало следствию обвинить его в вымогательстве имущества у них. Кстати, они продали только то дорогостоящее имущество и погасили задолжен-

ность В-на перед компанией «Евросеть», которое приобрели в 2001–2003 годы. В это время и совершались хищения в компании. Причем стоимость купленного недвижимого имущества, как признали сами родственники, была значительно большая, чем официальный заработок В-на по основному месту работы в компании. Утверждения В-на о том, что он имел дополнительный доход, опровергли его отец и другие свидетели. И.Б. Бушманов обращал внимание на эти показания потому, что они косвенно свидетельствовали о том, что В-н обогащался незаконно и, возможно, за счет реализации ценностей компании «Евросеть», где работал. И не только. Они обеляли Каторгина и исподволь формировали у присяжных заседателей убеждение об ошибочном его обвинении в вымогательстве имущества у В-на и его родственников. А еще И.Б. Бушманов отметил, что родственники В-на, видимо, понимали, из каких источников приобреталось ими имущество на его деньги. Иначе не объяснить тот факт, что ни сам В-н, ни его родственники не воспротивились отчуждению имущества, не обратились с жалобой в правоохранительные органы на действия Левина и его коллег. Левин же документировал возмещение имущества и денежных средств, передаваемых в счет нанесенного В-ным ущерба компании «Евросеть». Кроме того, копии этих документов передавались в следственные органы. Они хранились в компании до момента их изъятия следствием. Когда В-н уехал в Тамбов, возмещение ущерба компании продолжал

до его полного погашения.

И.Б. Бушманов сказал присяжным заседателям, что при вынесении вердикта они должны учесть, что Каторгин, беседуя с теми, кого обвинение считает потерпевшими по рассматриваемому уголовному делу, не преследовал какой-либо личной материальной или иной выгоды для себя. Он выполнял поручения в связи с его функциональными обязанностями сотрудника отдела безопасности компании «Евросеть». Да, он совершал действия, направленные на установление признаков хищения товарно-материальных ценностей в компании, на выявление лиц, их совершивших, и применял меры по возмещению ущерба, причиненного организации, в которой он работал. Причем все денежные средства, полученные от С-на, имущество В-на и денежные средства, переданные его родственникам, являлись компенсацией причиненного материального ущерба. Они обращались в доход коммерческой организации, которая в это время являлась потерпевшей стороной по возбужденному в отношении В-на уголовному делу.

Подытоживая свой анализ случившегося, И.Б. Бушманов отметил, что Каторгин, Левин и другие сотрудники службы безопасности «Евросеть» по существу выполняли работу за сотрудников правоохранительных органов. Причем такая работа для правоохранительных органов является их служебной обязанностью, закрепленной в законодательстве. Но жизнь показывает, что иметь обязанности и исполнять их

надлежащим образом – это не одно и то же. Поэтому и случились события, которые легли в основу сфабрикованного дела.

Это дело, как сказал адвокат, является примером исключительной абсурдности. Ведь граждане, которые выявили лиц, совершивших систематические хищения в компании «Евросеть», и приняли меры для возмещения нанесенного компании ущерба, сами оказались на скамье подсудимых.

В таком стиле выступили и адвокаты других подсудимых, что произвело нужное впечатление на присяжных заседателей. Вердиктом присяжных заседателей от 17 ноября 2010 года событие преступления по обвинению Левина, Каторгина и других подсудимых было признано не установленным. В связи с этим суд решил, что они подлежат оправданию на основании этого вердикта за неустановлением события преступления. В зале суда подсудимые были освобождены из-под стражи.

Как правило, в таких случаях государственное обвинение не сдается, то есть не меняет свою позицию и пытается добиться победы в споре с адвокатами. Так было и на этот раз. Государственные обвинители направили в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ апелляционное представление и потребовали направить дело на новое рассмотрение. На вынесенный коллегией присяжных заседателей оправдательный вердикт в Верховный Суд РФ направили апелляционные жалобы и адвокаты С-на и В-на, кото-

рые считались потерпевшими в данном деле. В своих возражениях И.Б. Бушманов отметил, что доводы прокурорского представления и жалоб носят исключительно формальный характер, не соответствуют назначению уголовного судопроизводства и не направлены на соблюдение законности при производстве по уголовному делу. Государственные обвинители, в своем представлении не привели каких-либо данных, подтверждающих, что судебное следствие было проведено с нарушением законодательства. Председательствующий в этом процессе стороне обвинения создал максимально комфортные условия для доведения обвинительной позиции до сведения присяжных заседателей, в то же время ограничивал адвокатов подсудимых. Но, как говорится, правду не спрячешь. Жалобы, которые внесли в Верховный Суд РФ адвокаты, представляющие интересы С-на и В-на, И.Б. Бушманов назвал абсолютно юридически и фактически несостоятельными. И отметил, что на длительное производство зря были потрачены значительные средства из федерального бюджета.

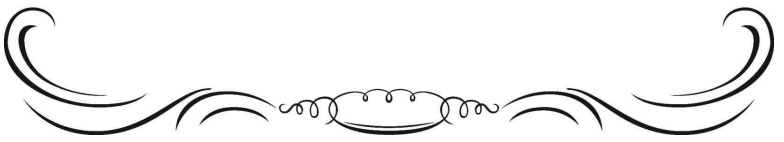
Главным аргументом И.Б. Бушманова было то, что, согласно вердикту, решение присяжных по поставленным на их обсуждение вопросам было ясным, единодушным и безальтернативным по каждому из вопросов опросного листа.

В общем, И.Б. Бушманов отметил, что заслуживающих внимания доказательств для отвода состоявшегося судебного приговора, основанного на достаточно редком в судебной

практике единодушном вердикте присяжных, не имеется, и просил оставить приговор от 1 декабря 2010 года без изменения.

В Верховном Суде РФ не затягивали с рассмотрением представления двух государственных обвинителей и жалоб адвокатов С-на и В-на 20 января 2011 года. Судебная коллегия в составе трех судей, выслушав всех оправданных, их адвокатов, в том числе И.Б. Бушманова, изучив содержание представления и жалобы, а также доклад судьи Верховного Суда РФ В. Лизунова, пришла к выводу о том, что приговор, вынесенный в соответствии с вердиктом коллегии присяжных заседателей, основан на всестороннем и полном исследовании материалов дела. Таким образом была поставлена точка в уголовном деле, которое коллега И.Б. Бушманова В.И. Калиниченко, также участвовавший в этом процессе, охарактеризовал как «театральный водевиль двадцать первого века».

Кто ответит за убийство?

Вынесенный в заголовок истории вопрос все еще остается без ответа. Сие означает, что по истечению почти 15 лет кара за злодеяние не настигла убийцу. И не только. Судебный процесс над мнимыми преступниками показал, что в реальной жизни нельзя «назначать» кого-либо на роль убийцы. Жизнь – это не кино.

Принятое Верховным Судом РФ определение по делу Р-на и Д-о – молчаливое свидетельство некачественной работы следствия и, наоборот, высокопрофессиональной работы адвокатов, не допустивших торжества бесправия.

10 сентября 2007 года в г. Калининграде был убит молодой успешный предприниматель Андрей Жигарь. Как и установлено в российском законодательстве, результаты расследования этого трагического события рассматривались коллегией присяжных заседателей. Она оправдала обоих подсудимых, но в июле 2019 года Верховный Суд РФ отменил приговор и направил уголовное дело на новое рассмотрение. На этот раз защиту Р-на, обвиняемого в подстрекательстве других лиц к убийству А. Жигаря, осуществлял Аркадий Александрович Пасечнюк. Второго подсудимого Д-о, который обвинялся в убийстве бизнесмена, защищали адвокаты С.А. Уचाкин и Е.М. Довбьялик.

Учитывая особое значение присяжных заседателей в по-

вторном судебном процессе, адвокаты приняли активное участие в формировании коллегии присяжных заседателей. Претендентов на членство в ней было 22. Эти лица были приглашены в Калининградский областной суд для выполнения своего гражданского долга на основании автоматизированной выборки, исключающей попадание в список претендентов граждан, заинтересованных в том или ином результате рассмотрения уголовного дела. Тем не менее сторонам судебного разбирательства дано право выбрать заседателей, которые смогут вынести законный и справедливый вердикт.

С этой целью кандидатам в присяжные заседатели задавались вопросы, позволяющие выяснить их отношение к тем, кто оказался на скамье подсудимых. А.А. Пасечнюк, например, интересовался, есть ли у претендентов в коллегию присяжных заседателей родственники, работающие в полиции, прокуратуре, суде и в таможенных органах. Затем он спросил: «Есть ли среди вас или ваших родственников люди, которые пострадали от преступников?» А еще А.А. Пасечнюк попытался выяснить у них, смогут ли они настоять на своем мнении и пойти против воли большинства заседателей.

Коллега А.А. Пасечнюка, защищавший второго подсудимого Д-о, адвокат С.А. Учакин в свою очередь поинтересовался у претендентов в коллегию присяжных заседателей:

– Есть ли среди вас лица, которым стеснительность мешает задать вопрос, который может причинить боль потерпевшему или подсудимому?

Исходя из ответов кандидатов в присяжные заседатели, адвокаты и их доверители формировали свое мнение о людях, которым будет доверено правосудие в столь сложном уголовном деле, в котором решалась судьба подсудимых.

Председательствующий судья также проявлял интерес к отбору претендентов в коллегии присяжных заседателей. И для него было важно, чтобы в нее вошли люди, которые смогут объективно и беспристрастно, с учетом требований законодательства осуществить правосудие. Когда одна из кандидатов призналась, что ее сына избили хулиганы, профессиональный судья спросил:

– Будет ли покушение на вашего сына мешать решению по уголовному делу Р-на и Д-о? Услышав ответ «нет», аналогичный вопрос задал другому кандидату, родственник которого также подвергся насильственному преступлению. И этот претендент сказал «нет».

Затем председательствующий судья спросил у участников процесса, есть ли отводы кандидатов в присяжные заседатели, и попросил в письменном виде представить мотивированные ходатайства об отводах.

Такие ходатайства адвокаты представили ему, посоветовавшись со своими доверителями. Государственные обвинители (в рассмотрении дела участвовали два прокурора) в свою очередь подготовили свое ходатайство с учетом мнения потерпевшей, а именно матери А. Жигаря. Председательствующему судье стороны процесса передали и вычеркнутые

из предварительного списка претендентов в коллегия при-
сяжных заседателей фамилии граждан, которым было неже-
лательно, по их мнению, доверить вынесение вердикта о ви-
новности или невиновности подсудимых.

Итоговый список кандидатов в присяжные заседатели был
составлен из оставшихся в нем граждан в той последователь-
ности, в которой они были включены в первоначальный спи-
сок. Затем председательствующий судья постановил сфор-
мировать коллегия присяжных заседателей из восьми граж-
дан. Еще четверо неотведенных кандидатов получили статус
запасных присяжных заседателей. Они нужны были на слу-
чай подмены заболевших членов коллегия присяжных засе-
дателей. Ведь процесс, как пояснил им председательствующий,
может продлиться более двух месяцев. А еще он разъяс-
нил присяжным заседателям, что свое решение они долж-
ны выносить только на основании того, что увидят и услышат
в данном судебном заседании, и на основании доказательств,
собранных в соответствии с законом при расследовании уго-
ловного дела и исследованных в суде с их участием.

Вступительная часть данного судебного процесса завер-
шилась подтверждением его сторонами полномочий предсе-
дательствующего судьи, избранием присяжными старшины
и принесением ими клятвы о том, что они исполнят свой
гражданский долг в соответствии с законом и своей сове-
стью.

Защитники воспользовались своим правом обратиться к

присяжным заседателям со вступительным словом, в котором они могли предварительно высказать свою позицию по существу дела. А.А. Пасечнюк, в частности, сказал, что вопреки доказательствам, которые будут представлены государственным обвинителем, он считает, что его подзащитный не имел каких-либо рациональных или иррациональных причин желать смерти Жигарю. Он не имеет отношения к его убийству и в предъявленном обвинении не виновен.

Адвокат С.А. Учакин также обратился к присяжным заседателям, попросив их быть очень внимательными при исследовании доказательств, которые им будут представлять стороны судебного процесса. Он полагал, что такой совет поможет присяжным сделать самостоятельный вывод о виновности либо невиновности подсудимых.

К присяжным заседателям обратилась и мать убитого. Она сказала:

– Желание наказать убийцу моего сына двигало мной все годы до начала суда. Все это время я живу этим делом, знаю всю ситуацию не только снаружи, но и изнутри. Я полностью уверена, что убийство совершили Р-н и Д-о. Моя уверенность в виновности лиц, находящихся на скамье подсудимых, позволяет мне их обвинять. Я мать, и у меня забрали самое дорогое. Все это время живу с мыслью о справедливости. Прошу вас о вынесении обвинительного вердикта в отношении подсудимых. Вы моя последняя надежда в этой жизни на справедливость...

Столь эмоциональное выступление матери Андрея Жигаря существенно осложняло работу адвокатов подсудимых. Ведь присяжные заседатели не роботы. Они, как и любые нормальные люди чувствуют боль других людей, понимают страдание женщины, потерявшей сына. Да и сами адвокаты ей сочувствовали. Но несмотря на такое отношение к потерпевшей, они приглашаются в суды для выполнения профессионального долга – защиты своих доверителей.

В свою очередь государственные обвинители, пожалуй, полагали, что выступление потерпевшей произведет должное впечатление на присяжных заседателей, склонит их на сторону обвинения. Это особо важно, когда недостаточна доказательная база виновности подсудимых, когда отсутствуют конкретные материальные доказательства, подтверждающие совершение ими злодеяния. Когда они не признают себя виновными. Именно так было и в данном случае. Подсудимые не признавали себя виновными в смерти А. Жигаря.

Подсудимый Р-н обвинялся в том, что летом 2007 года в городе Калининграде для завладения долей рынка, занимаемой А. Жигарем, приносящей значительный денежный доход, организовал его убийство. По мнению следователей и прокуроров, Р-н предложил своему знакомому Л-ву «устранить» Жигаря. Когда Л-в отказался, нашел Д-о, который согласился убить Жигаря. Получив согласие Д-о на исполнение криминального заказа, познакомил его с Л-вым. Затем попросил подвезти Д-о в день покушения на жизнь бизне-

смена к дому, где он жил.

Д-о обвинялся в том, что ради материального вознаграждения от распределения с Р-ным прибыли от занятой А. Жигарем доли рынка таможенного оформления транспортных средств в городе Калининграде, ввозимых на территорию России, застрелил его, произведя не менее семи выстрелов из пистолета конструкции «Макаров». А еще Д-о обвинялся в приобретении у неустановленного следствием лица пистолета, пригодного к стрельбе, и не менее семи патронов к нему, а также в их хранении.

Как уже отмечено выше, Р-н, и Д-о отрицали свою причастность к убийству предпринимателя. Однако голословно отнекиваться было недостаточно для того, чтобы подсудимым поверили присяжные заседатели. Нужны доказательства, не только подвергающие сомнению обвинительное заключение, но и разрушающие содержащиеся в нем выводы.

Адвокат А.А. Пасечнюк сумел найти такие доказательства. Естественно, не ради того, чтобы доказать присяжным заседателям, что он «умнее» государственных обвинителей. А.А. Пасечнюк высказывал аргументы в защиту Р-на для того, чтобы присяжные заседатели смогли вынести законный и справедливый вердикт, а председательствующий на его основе мог вынести приговор, исходя из фактических обстоятельств преступления. Прежде всего адвокат отметил, что его подзащитный обвиняется лишь в подстрекательстве Д-о с помощью Л-ва убить А. Жигаря, а не в осуществлении

самого убийства. Затем выразил свое несогласие с позицией стороны обвинения, настаивающей на том, что у подсудимых был общий план действий, исполнение которого обеспечило бы достижение цели своей преступной деятельности.

Напомнив суть обвинения своего доверителя, А.А. Пасечнюк задал как бы риторический вопрос:

– Но так ли было на самом деле?

Понимая, что ответить пока на него некому, кроме него самого, сказал:

– Я считаю, что нет, не так, я уверен, что обвинение выдало желаемое за действительное.

Затем еще раз напомнил суть обвинения. Он сказал:

– По мнению обвинителя, Р-н, заведомо зная, что Жигарь имеет значительный денежный доход, из корыстных побуждений, руководствуясь принципами недобросовестной конкуренции, имея намерение завладеет долей рынка таможенного оформления автотранспортных средств, которую занимал Жигарь, вступил в преступный сговор с другим лицом, конечной целью которого было убийство Жигаря.

Казалось бы, повторяя фразы из обвинительного заключения, адвокат помогал заседателям лучше запомнить его содержание, что могло способствовать критичному восприятию обвинения.

Однако А.А. Пасечнюк повторял суть обвинительного заключения с иной целью. Для того, чтобы показать его бездоказательность. Он не отрицал, что Р-н и Жигарь были зна-

комы. По просьбе Р-на Жигарь занимался растаможиванием ввезенных Р-ным из Германии автомобилей. Кроме того, Р-н, работая барменом кафе «Фест», обслуживал Жигаря и его супругу, когда они посещали это заведение, и пытался с ним поговорить, в частности об очередной операции растаможивания автомобиля. Но, как сказала в суде жена погибшего, Жигарь только поздоровался с барменом пожатием рук. В ответ на просьбу бармена проконсультировать его, Жигарь сказал: «Я работаю на работе, а сейчас отдыхаю». Такое «шапочное» знакомство, не позволяло сделать вывод, что Р-н знал, что Жигарь извлекает значительный денежный доход из своей деятельности. Следовательно, утверждение стороны обвинения о том, что Р-н позарился на доходы Жигаря, ни на чем не основывается. Ни мать, ни жена погибшего не говорили и на следствии, и в суде, что Р-н входил в круг знакомых Жигаря. Значит, он не мог знать, что заходивший в кафе человек хорошо зарабатывает.

Далее А.А. Пасечнюк прочитал еще строчку обвинительного заключения о том, что Р-н, руководствуясь принципам недобросовестной конкуренции, вступил в сговор с Д-о. Опровержение этой части обвинения адвокат начал с вопроса: «Разве Жигарь был конкурентом Р-на?» И ответил: «Нет, конечно, не был. Р-н работал барменом. Значит его конкурентами могли быть другие бармены. Жигарь же занимался совершенно иной деятельностью, никакого отношения не имеющей к работе бармена Р-на».

Защитник Р-на адресовал присяжным заседателям еще один вопрос: «Мог ли бармен квалифицированно заниматься “растаможкой” автомобилей?»

Такой прием общения с присяжными заседателями как бы предлагал им самим найти ответ на этот вопрос. Согласиться или опровергнуть мнение адвоката по этому поводу. А.А. Пасечнюк сказал присяжным, что для того, чтобы успешно заниматься каким-либо делом, необходимо опираться на определенную сумму знаний. Судя по тому что Р-н обращался к Жигарю за растаможкой ввезенных им автомобилей, таких знаний он не имел.

По роду своей деятельности Р-н разбирался в качестве спиртных напитков, а не в тонкостях оформления таможенных документов и в особенностях общения с таможенниками. Далее, ссылаясь на показания матери убитого, А.А. Пасечнюк обратил внимание присяжных заседателей на то, что Жигарь занимался растаможкой автомашин более 10 лет, много сил и времени потратил для достижения успеха, создал команду, которая помогала ему заниматься бизнесом. Все это говорило о том, что один человек не потянет столь непростую работу. Значит, обвинение Р-на в том, что он хотел завладеть долей рынка, где «пахал» Жигарь, ничем не обосновано. Р-ным не мог руководить такой мотив. Он нормальный человек, не строил иллюзий, понимал, что не сможет делать то, что делал Жигарь. Иначе бы не обращался к нему за помощью в растаможке автомобилей. Да и вообще,

не понятно, как в реальности после смерти Жигаря Р-н мог войти в его бизнес. Ведь любой бизнес требует устойчивых связей с партнерами. При этом успех в бизнесе связан с личностью бизнесмена. Р-ну невозможно было стать Жигарем и заменить его в бизнесе. После смерти Жигаря он даже не попытался это сделать, то есть никаких действий в этом направлении не предпринимал. Значит, у Р-на не было мотива для того, чтобы желать смерти Жигарю, а следовательно, он не склонял Д-о к его убийству.

Следует заметить, что эта часть обвинения Р-на основывалась на показаниях Л-ва, с которым он дружил со школьных лет. Поэтому ее анализу А.А. Пасечнюк уделил особое внимание. Он напомнил присяжным заседателям, следующие строки обвинения: «Л-в, рассчитывая на получение материальной выгоды в будущем, желая сохранить уже имеющуюся материальную помощь со стороны Р-на, а также из иных личных побуждений, в том числе основанных на психологической подчиненности Р-ну, согласился принять участие в убийстве».

После паузы, сделанной умышленно для осмысления зачитанной части обвинения, А.А. Пасечнюк сказал, что никто из допрошенных в суде не сообщал, что Л-в находился в какой-то материальной зависимости от Р-на. Не говорили и об этом ни Л-в, ни Р-н. Скорее Л-в был материально зависим от начальника таксопарка, где он работал и которому периодически недодавал полученную от клиентов выручку.

Нет никакой ясности и насчет психологической зависимости Л-ва от Р-на. И они об этом никому не говорили. Да, Л-в сказал в суде, что летом 2007 года Р-н, с которым он знаком со школы, хочет устранить Жигаря, чтобы занять его долю в бизнесе. Но на уточняющий вопрос о том, известно ли ему о том, что Р-н собирался заниматься растаможкой, ответил, что не известно. В то же время Л-в показал, что и он просил Жигаря растаможить его автомобиль. Л-в не сообщил суду, откуда он знает Жигаря, но говорил, что Р-н попросил его устранить бизнесмена. Выполнить эту просьбу он отказался. После этого якобы Р-н сказал ему, что нашел других людей, познакомил его (Л-ва) с Д-о, а затем попросил повозить Д-о по городу.

Судя по показаниям Л-ва, о которых суду напомнил А.А. Пасечнюк, 10 сентября 2007 года он отвез Д-о к дому Жигаря, затем заезжал к Р-ну на работу в кафе «Фест». После этого дня их отношения испортились. Они перестали общаться.

В свою очередь Р-н подтвердил суду факт дружбы с Л-вым со школьных лет и их телефонные разговоры по несколько раз в день. Но категорически отверг утверждение Л-ва о том, что обращался к нему с просьбой устранить Жигаря. Кроме того, Л-ва с Д-о он не знакомил и сам не был знаком с ним до 2018 года. Кроме того, Р-н не просил Л-ва ни 10 сентября 2007 года, ни когда-либо ранее возить Д-о в такси, но мог звонить ему в день убийства Жигаря. В то же время Л-в мог заезжать к нему в кафе в этот день.

Со слов Р-на, стало известно, что Л-в работал до 21 часа пять дней в неделю. Он жил за 75 километров от города, вставал рано, поэтому старался не задерживаться. С Л-вым поссорился после того, как Л-в ушел, не оплатив счет. Вернувшись через день, вместо того чтобы оплатить счет, он стал просить деньги, чтобы отыграться в казино. Р-н ему отказал. Л-в вспылал и ушел, раскидав стулья в кафе. Упомянув о ссоре с Л-вым, Р-н не видел причин для того, чтобы он его оговорил.

По мнению А.А. Пасечнюка, в обвинительном заключении не было значимых доказательств того, что Р-н путем уговоров склонил Д-о и Л-ва к совершению убийства, а о дополнительных доказательствах обвинение не позаботилось. Ну, были два соединения по мобильному телефону, закрепленные документально. Это был единственный документ, который оглашался в суде, по мнению адвоката, имеющий отношение к обвинению Р-на. Правда, 10 сентября 2007 года один раз Л-в звонил в 18:37, другой в 21:57. Длительность первого соединения была одна секунда, за это время даже слово «перезвоню» едва ли успеешь сказать. В связи с этим непонятно, как Р-н мог попросить Л-ва подвезти Д-о и назначить время их встречи.

А.А. Пасечнюк напомнил присяжным заседателям ответы основного свидетеля преступления на его вопросы. Так, на вопрос «Предлагал ли вам Р-н совершить убийство Жигаря?» Л-в однозначно ответил: «Нет, не предлагал». На во-

прос о том, знал ли он, идя в подъезд дома, где был убит Жигарь, что его застрелят, Л-в также сказал: «Нет, не знал». На вопрос «Планировал ли Р-н вместе с другими лицами убийство Жигаря?» Л-в также ответил отрицательно. Он сказал: «Об этом мне ничего не известно».

Такие ответы красноречиво говорили, что версия обвинения о том, что Р-н «вдохновитель» убийства, не заслуживает внимания, не основывается на объективных реальных доказательствах. Более того, следствие формировало обвинение не на доказательствах вины Р-на, а вопреки им.

В заключительной части речи в защиту Р-на адвокат упрекнул государственного обвинителя за бездоказательное утверждение о том, что подсудимого не устраивала судьба бармена. Затем, обращаясь к присяжным заседателям, сказал: «Обвинение призывает вас поверить в то, что говорил Л-в, и даже в то, что он не говорил, но, как кажется обвинению, имел в виду. Я же призываю вас не руководствоваться такой зыбкой категорией, как вера. Я призываю вас руководствоваться знанием о событиях, которые предшествовали убийству и обстоятельствам, имевшим место в трагический для Жигаря и его семьи вечер 10 сентября 2007 года. Принимая решение, каждый из вас должен ответить себе на вопрос, достаточно ли сведений, полученных во время судебного следствия, для того, чтобы без малейшей тени сомнения, без малейшего колебания сказать, что мой подзащитный Р-н виновен в преступлении, в котором его обвиняют».

В таком же стиле выступил с защитительной речью С.А. Учакин. Он напомнил, что его подзащитный Д-о обвиняется в совершении убийства из корыстных побуждений. Для реализации преступного умысла он незаконно приобрел пистолет и патроны к нему. Затем адвокат сказал, что ни один свидетель со стороны обвинения не был очевидцем убийства Жигаря. Никто не называл Д-о убийцей. Так, жена убитого сказала, что она видела, что А. Жигарь забрал из багажника зеленый пакет и шел к подъезду. Водитель такси Дубинин, ожидавший клиента у подъезда дома, в который вошел Жигарь, сказал, что было темно. А еще он сказал, что двое мужчин, совершивших убийство, скрылись на автомобиле «Такси Балтики» с позывным номером 22 (о чем умолчал государственный обвинитель). Таксист Л-в, которого Дубинин якобы видел как одного из мужчин, выходящих из подъезда дома, откуда слышались выстрелы, утверждал в суде, что у него позывной 67. Этот же номер обозначен на борту его автомобиля-такси. Диспетчеры автопарка, где работали оба таксиста, подтвердили в суде, что Дубинин сообщил им по рации, что двое мужчин, совершивших убийство, скрылись на такси под номером 22. Дубинин также показал, что недалеко от подъезда на пассажирском сиденье автомобиля «Фольксваген Транспортер» видел Дулуба. Сам же Дулуб, как свидетель обвинения, убежденно говорил, что он был на автомобиле «Мерседес Вито». Названные автомобили отличаются друг от друга. Водителям тяжело их перепутать. Но

более важно то, что во время допроса от 20 января 2011 года основной свидетель обвинения Л-в сказал, что Илья (имя Д-о) ему не знаком, Р-н его с ним никогда не знакомил. На том же допросе он отрицал и знакомство с Жиагрем. А вот в суде Л-в показал, что подвез Д-о к дому Жигаря и вместе с ним вошел в подъезд, не зная, что он будет стрелять в Жигаря. Противоречив был рассказ Л-ва о самом событии убийства. Он говорил, что стрельба началась неожиданно. Д-о и Жигарь встали напротив кабины лифта № 1. После того как прозвучал выстрел, Жигарь побежал к выходу из подъезда, но прозвучал еще один выстрел. Как Д-о стрелял, Л-в не видел.

Адвокат напомнил также присяжным заседателям о том, что во время проверки показаний на месте преступления Л-в не смог показать, у какого лифта стоял Жигарь, в какой лифт внесли его тело, утверждал, что Д-о стрелял Жигарю в спину. Эти показания, по мнению адвоката, говорили только о том, что Л-в на месте убийства А. Жигаря не был, и о том, что на допросах, когда только начиналось расследование этого преступления, он был правдив, говоря: «ничего не помню, ничего не знаю».

Для усиления своего вывода С.А. Учакин зачитал заключение эксперта, сделавшего вывод о том, что, судя по направлению раневых каналов на убитом от огнестрельных повреждений, в момент их образования дульный срез пистолета, из которого были произведены выстрелы, располагался преимущественно спереди и слева от потерпевшего. В общем,

получалось, что в момент, когда Жигарь вошел в подъезд, его уже кто-то поджидал. Иначе невозможно объяснить пулевые ранения в грудь бизнесмена. О том, что стреляли в него, перемещаясь по Г-образному коридору подъезда, свидетельствовал и разброс семи гильз в его разных углах.

Не забыл С.А. Учакин напомнить присяжным заседателям и то, что Л-в выдвигал три версии избавления от найденного в своем автомобиле пистолета и оставшихся после выстрелов патронов. Указал он и на бесспорный факт, подтвержденный экспертизой, о том, что на одежде Д-о никаких следов с трупа Жигаря не было обнаружено. Напоминание об этом было важно потому, что в судебном заседании Л-в показал, что он вместе с Д-о «перетаскивал» труп в лифт. Кстати, одежда Л-ва также направлялась на экспертизу, и на ней не было следов от переноски трупа в лифт.

В этом месте адвоката прервал государственный обвинитель.

– Возражаю, – крикнул он. – Экспертиза содержит иные выводы.

Председательствующий судья сделал С.А. Учакину замечание, указав, что эксперт сделал иной вывод, а именно: на одежде есть следы, но их принадлежность установить невозможно. Затем председательствующий сказал заседателям, чтобы они не принимали во внимание заявления адвоката по экспертизе одежды Д-о и Л-ва.

Не вступая в полемику, С.А. Учакин констатировал:

в данном деле ни в одной экспертизе следы его подзащитного не описаны, хотя у него отбиралась и одежда, и биоматериалы. Затем выдвинул еще один аргумент, свидетельствующий о непричастности Д-о к убийству Жигаря. Адвокат сказал, что в тот вечер Д-о был в гостях у своего тренера по боксу. Причем этот уважаемый человек подтвердил то, что к нему вечером 10 сентября 2007 года заходил Д-о, но во время следствия не выяснялось алиби. Между тем закон требует, чтобы любое уголовное дело было рассмотрено всесторонне и объективно, а сомнения и противоречия должны трактоваться в пользу подсудимого. Он не обязан доказывать свою невиновность. Сторона обвинения, на мой взгляд, не представила доказательств того, что Д-о совершил убийство Жигаря и незаконно приобрел и хранил огнестрельное оружие.

Речь в защиту Д-о произнес и адвокат Е.М. Довб्याлик. С учетом уже сказанного своим коллегой он телеграфным стилем, видимо, для того, чтобы не утомлять и не раздражать повторами присяжных заседателей, напомнил, кто и какие показания давал по факту убийства Жигаря, обратив, в частности, внимание на то, что неизвестно, куда делся пакет с деньгами, которые нес Жигарь, идя к себе домой. Показал он и на нестыковку показаний Дубинина и Л-ва, а также на иные расхождения и отсутствие последовательности в показаниях свидетелей обвинения. В заключение Е.М. Довб्याлик отметил, что у его подзащитного отсутствуют причины и мо-

тивы для убийства Жигаря. Затем попросил присяжных вынести вердикт с учетом имеющихся в деле доказательств, а не на домыслах и предположениях.

В данном судебном процессе участвовали два государственных обвинителя. Один из них представлял основную позицию обвинения. Второй помогал ему отдельными репликами. Так вот этот прокурор, видимо, осознал, что адвокатам удалось показать слабые стороны проведенного расследования убийства Жигаря, противоречивость обвинительного заключения, построенного на очевидных противоречивых показаниях свидетелей. Чтобы ослабить впечатление от речей адвокатов, взял слово и утверждал, что Р-н предложил Л-ву устранить Жигаря и принял меры для реализации плана его убийства. По мнению прокурора, о том, что план был, свидетельствовали характер и совокупность всех действий, которые провели подсудимые. Они «приискали» оружие, были осведомлены о месте проживания Жигаря, располагали сведениями о времени его возвращения домой.

Сторона обвинения представила показания тех свидетелей, которые являются непосредственными очевидцами преступления. Затем прокурор стал настаивать на том, что свидетель Дубинин видел Л-ва, узнал его, сообщил в автопарк о преступлении, свидетель Дулуб подтвердил, что Д-о просил его подъехать в определенное время по адресу, где жил убитый. Л-в указал на лицо, которое подстрекало его на совершение данного преступления. Эти три человека оказались в

одно и то же время в одном месте для реализации своих целей. Подытоживал свою речь прокурор словами:

– В этом есть суть, а не в том, чтобы обращать внимание, как это делает защита, на шероховатости показаний свидетелей обвинения.

Затем обратился к присяжным с вопросом: какая разница, какой высоты были кусты? И где висел фонарь? И сам себе ответил: важна суть – то, что было совершено преступление.

Такой ответ был подобен с детства известному всем факту о том, что Волга впадает в Каспийское море. Ведь защита не оспаривала факт преступления в виде убийств Жигаря. Защитники, да и сами подсудимые многократно, в том числе в своих последних словах, отрицали свою причастность к убийству А. Жигаря. Не уводила сторона защиты внимание присяжных заседателей от сути сложнейшего судебного разбирательства и с достойной скрупулезностью анализировала показания свидетелей и собранные следствием документы, якобы подтверждающие преступную деятельность их подзащитных.

Как бы изобличая «происки» адвокатов, прокурор отметил, что для них не важно: образуют ли доказательства стороны обвинения «идеальную картинку или не образуют». Даже если бы идеальная картина была, то и ее бы «на сто процентов оспаривала сторона защиты, выражая свое недовольство показаниями свидетелей. Но, как бы сторона защиты ни старалась опорочить показания Дубинина, Дулуба и

Л-ва в ваших глазах (имеются в виду присяжные заседатели), ища противоречия в их показаниях, полагаю, что вы давно сделали выводы о том, кто говорит правду, а кто – нет. Ваш опыт поможет вам разобраться в очевидности лжи обвиняемых и их стремлении избежать ответственности за совершение тяжкого преступления, результатом которого стала смерть человека».

Далее произошел обмен репликами сторон судебного процесса. Первый прокурор также обратил внимание присяжных заседателей на то, что прокуроров обвиняют в том, что они противопоставляют слова одного и другого человека. Затем пояснил:

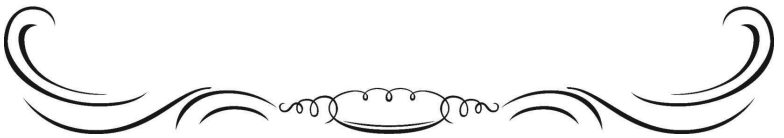
– Это происходит потому, что Р-н, несмотря на то что есть доказательства причастности к преступлению, не хочет признать вину и нести ответственность. Да, он защищается, но Л-в избличил его в совершении преступления. Защитник Д-о пытается опровергнуть результаты экспертизы одежды Л-ва. Но она носилась после убийства Жигаря, а при носке следы стираются. Ее могли и постирать. Что касается темы телефонных соединений, то Л-в находился в том же конце города, где улица выходит на улицу, где стоит дом погибшего.

Такой затянувшейся репликой первый прокурор только усугубил и без того шаткое положение стороны обвинения. Ведь из приведенных выше слов не были сформированы доказательства вины подсудимых. В его реплике были лишь

предположения о причастности подсудимых к преступлению и прозвучала почти не скрываемая обида за то, что они не признают вину в убийстве Жигаря.

В общем, получилось, что прокурор как бы забыл азбучную истину о том, что в Конституции России записано, что подозреваемый не обязан показывать на себя как на преступника. Доказать его преступную деятельность – обязанность государственного обвинения. И с этой обязанностью оно явно не справилось.

Удивительно, что в течение всего многолетнего периода расследования данного преступления у следствия, да затем и у обвинения не было ни тени сомнения в своей правоте. Не хотели они даже обсуждать вопрос о непричастности Р-на и Д-о к вменяемому им преступлению и потерпели фиаско. Восемь присяжных заседателей повторно вынесли вердикт: Р-н и Д-о не виновны. В связи с этим председательствующий судья вынес в отношении их оправдательный приговор. Вышестоящая судебная инстанция – Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала этот приговор обоснованным и законным.

Драма на кухне

В Уголовном кодексе РФ есть статья 111, которая называется «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью».

В ней предусмотрена ответственность для людей, которые по злобе, из хулиганских побуждений либо с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, умышленно причинили тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека. В части 4 этой статьи определено наказание для лиц, которые причинили тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по неосторожности его смерть. Наказание виновных в таких случаях весьма строгое – лишение свободы на срок до 15 лет.

В этом преступлении обвинялась гражданка Л. Жилевская. По мнению следствия и прокуратуры, 18 сентября 2016 года она, находясь на кухне своего дома, реализуя преступный умысел, клинком ножа, используемого в качестве оружия, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, но не желая причинения смерти, с силой нанесла удар своему мужу в нижнюю часть живота. В результате проникающего ранения в живот В. Жилевский через четыре дня умер.

Обвинение Л. Жилевской в преступном умысле с целью причинения тяжкого вреда здоровью своему мужу находилось в уголовном деле, повторно направленном в Суздальский районный суд Владимирской области.

Повторно потому, что первоначально правоохранительные органы квалифицировали действия Л. Жилевской по менее строгой статье Уголовного кодекса РФ, а именно по статье 109 «Причинение смерти по неосторожности». Согласно части 1 этой статьи, под описанный в ней состав преступления, по мнению следствия, попадали действия Л. Жилевской. За совершение такого преступления виновных суд может наказать лишением свободы на срок до двух лет.

Суздальский районный суд не согласился с такой позицией и направил дело Л. Жилевской на дополнительное расследование. Причем судья, вернувший дело на доследование, считал, что совершенное Л. Жилевской преступление соответствовало преступлению, описанному в статье 105 Уголовного кодекса РФ. Эта статья называется коротким, но жутким словом «Убийство». Согласно ее части первой, убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет. Судья, конечно, понимал, что разница между его позицией и позицией обвинения существенная, но это его не смутило.

В несчастной женщине ему виделась жестокая преступница.

Следственные органы обязаны провести дополнительное расследование уголовного дела, когда суд возвращает его с такой целью. Но все-таки, выполняя поручение суда, следователь не стал обвинять Л. Жилевскую в умышленном убий-

стве. Ее действия он переквалифицировал со статьи 109 Уголовного кодекса РФ (неосторожность) на более строгую статью 111 Уголовного кодекса РФ. В данном случае как бы работал принцип «и волки сыты, и овцы целы». Ведь судья, вернувшись на доследование дело, считал, что Л. Жилевская совершила тяжкое умышленное преступление. В ходе дополнительных следственных действий следователь «натянул» на умышленное преступление. Однако было очевидно, что пострадавший умер не сразу после полученного ранения, а через четыре дня. Значит, оснований для обвинения Л. Жилевской в умышленном убийстве мужа не было. Но и переквалификация уголовного дела со статьи 109 на статью 111 Уголовного кодекса РФ позволяла наказать обвиняемую достаточно строго.

Защищала Л. Жилевскую член Владимирской областной коллегии Татьяна Владимировна Гонова. Узнав о том, что над ее доверительницей сгустились тучи, она стала ходатайствовать о рассмотрении дела судом присяжных. Т.В. Гонова не без оснований полагала, что если дело будет рассматриваться единолично судьей, то шансов добиться оправдания Л. Жилевской практически не было. Тем более что один из судей Суздальского суда уже высказался за ужесточение наказания подсудимой. А вот если его будут рассматривать присяжные, то можно будет добиться оправдательного приговора. По мнению адвоката, для этого были основания.

Желание Т.В. Гоновой, чтобы дело ее подзащитной рас-

смотрел суд присяжных, не было «женским» капризом. Статистика свидетельствует о том, что суды присяжных стали выносить оправдательные приговоры. Так, например, в 2019 году районные суды присяжных рассмотрели уголовные дела в отношении 585 человек. Из них 153 подсудимых были оправданы. Дела в отношении 4 человек были прекращены. На областном уровне присяжные решали судьбы 419 подсудимых и не признали виновными 80 человек.

Тоже существенно. Ведь когда уголовные дела рассматривают не судьи из народа, а профессиональные судьи, то оправдательных приговоров выносится менее одного процента.

Т.В. Гоновой удалось добиться, чтобы поступившее повторно в Суздальский районный суд уголовное дело, в котором совершенное Л. Жилевской преступление квалифицировалось по части 4 статьи 111 Уголовного кодекса РФ, было назначено для рассмотрения судом присяжных. На районном уровне суд присяжных состоит из шести человек. На случай болезни кого-либо из них или при других непредвиденных форс-мажорных обстоятельствах в суд приглашаются для возможной подмены заболевших два запасных присяжных заседателя.

Защитник подсудимого в суде присяжных должен не только объективно раскрыть суть произошедших событий, ставших, по мнению следствия, основанием для того, чтобы его доверитель оказался на скамье подсудимых. Адвокат должен

рассказать об этом так, чтобы ему поверили присяжные заседатели. Естественно, необходимо и подсудимого подготовить к испытанию в суде, чтобы он давал показания, совпадающие с позицией его адвоката.

Создать в суде присяжных такую обстановку не просто. Особенно когда адвокат стремится опровергнуть позицию обвинения. Т.В. Гонова категорически возражала против позиции государственного обвинителя, пытавшегося доказать, что Л. Жилевская умышленно нанесла мужу удар ножом в живот. Она описывала случившееся иначе. Адвокат пыталась доказать, что роковой удар был спонтанной реакцией ее подзащитной на действия мужа. Находясь в состоянии опьянения, он подошел к ней сзади на кухне квартиры, где Л. Жилевская ножом чистила овощи и схватил двумя руками за волосы. Испытывая сильную боль и желая освободиться от рук мужа, Л. Жилевская, держа в правой руке кухонный нож, резко повернулась в его сторону. В результате такого движения, В. Жилевский потерял равновесие, навалился на жену своим телом и наткнулся нижней частью живота на кухонный нож.

Т.В. Гонова была убеждена, что первопричиной случившейся трагедии было поведение пьяного мужа ее доверительницы. Это убеждение подтверждалось показаниями единственной свидетельницы трагедии – дочери Жилевских. Она была ключевой свидетельницей при расследовании данного преступления. Следовательно то ли не верил Марии Жи-

левской, то ли не захотел верить ей. Такое бывает, когда, так сказать, неудобный свидетель разрушает представление следователя о произошедшем, то есть когда показания свидетеля «не вписываются» в состав преступления, который вменяется подследственному.

Между тем и на следствии, и в суде Мария Жилевская показала, что ее отец примерно в 13 часов 45 минут в состоянии алкогольного опьянения зашел на кухню, чтобы разогреть себе еду. Мать мыла посуду и резала овощи. Отец стоял сзади матери лицом к плите, мать лицом к столу, то есть они стояли спина к спине. Кухня у них очень маленькая. Проход между плитой и столом очень узкий. Родители почти касались друг друга спинами.

Отец стал просить у матери деньги. Она ответила отказом. Мария стояла у двери кухни и увидела, как отец повернулся и схватил мать за волосы. Она вскрикнула от боли и в свою очередь резко повернулась через левое плечо. Никаких ударов она не наносила ему в живот. Только позднее Мария узнала, что в момент разворота у матери был в руке нож. Из-за того, что расстояние между ней и отцом было минимальное, нож попал ему в живот.

Из показаний дочери Жилевских было видно, что в дальнейшем мать действовала вполне разумно. Узнав о ранении, она предложила отцу вызвать скорую помощь. Когда он категорически отказался от помощи врачей, сама обработала рану перекисью водорода и заклеила ее лейкопластырем. За-

тем каждый день, пока был жив отец, она предлагала ему вызвать бригаду скорой медицинской помощи. Под разными предложениями он всякий раз отказывался. Первые три дня после ранения отец вел себя как обычно: кушал, пил спиртное, выходил на улицу по своим делам. Лишь за день до смерти сказал, что почувствовал себя хуже. Несмотря на его отказы, мама все-таки на четвертый день после ранения отца вызвала скорую помощь.

К сожалению, врачи не успели ему помочь.

Подсудимая каялась в том, что тянула с вызовом врачей для оказания мужу квалифицированной помощи. И только в этом признавала себя виновной. Но следствию этого было мало. Чтобы доказать, что причиной смерти В. Жилевского было его ранение ножом в живот, 15 раз проводились медицинские экспертизы трупа. Они показали, что после ранения из-за повреждения стенки желудка развился фибринозно-гнойный перитонит, повлекший смерть В. Жилевского.

В суде был допрошен эксперт Сорокин, который утверждал, что во время удара В. Жилевского в живот нож проник в его тело не менее чем на восемь сантиметров. Удар такой силы можно было нанести только умышленно! Следовательно, Л. Жилевская умышленно, то есть с целью нанесения тяжкого ранения, ударила мужа ножом в живот. На таком заключении основывалось обвинение.

Адвокату удалось убедить присяжных заседателей, что Л. Жилевская не имела умысла нанести тяжкий вред здоровью

мужа, повлекший его смерть. Т.В. Гонова поставила под сомнение утверждение эксперта Сорокина. Она задала присяжным вопрос: возможно ли в проходе кухни, где с трудом умещались два человека, нанести удар такой силы, чтобы нож глубоко проник в живот пострадавшего? Затем добавила, что в жизни не всегда происходит так, как написано в книжках. Пассаж по поводу «книжек» был не случаен. Высказывая свою позицию, эксперт постоянно ссылался на математические расчеты и специальную литературу.

Кроме того, в деле было заключение другого медицинского эксперта о том, что при указанных Л. Жилевской и ее дочерью обстоятельствах невозможно нанесение глубокого колото-резаного ранения. Противоречивость мнений экспертов позволяла Т.В. Гоновой ставить под сомнение позиции государственного обвинения о том, что нанесенный подсудимой удар повлек образование серьезного глубокого ранения. Защищая подсудимую, адвокат предположила, что при вскрытии трупа эксперт мог повредить стенку желудка скальпелем. Если таким способом была повреждена стенка желудка умершего, то именно это обстоятельство могло ввести в заблуждение других экспертов. Выяснилось, что на стадии следствия этот вопрос не проверялся. По мнению Т.В. Гоновой, без такой проверки было проще обвинить Л. Жилевскую. При этом ни следователь, ни государственный обвинитель не задумывались над тем, что в случае осуждения будет сломана жизнь пожилой женщины.

В заключительной части своего выступления в судебном заседании Т.В. Гонова не удержалась и высказала ряд упреков в адрес следствия. Она отметила, что представленные доказательства вины Л. Жилевской односторонни, обвинение строится лишь на комиссионной экспертизе, которая, по ее мнению, вызывает вопросы и не способствует установлению истинного положения дел. «Досталось» от нее и государственному обвинителю за передергивание ответов подсудимой и сокрытие сведений, которые позволили бы присяжным заседателям принять правильное решение и вынести справедливый вердикт по рассматриваемому делу.

Только убежденный в своей правоте адвокат может набраться смелости бросить камень в огород правоохранительных органов, сказать, что из-за допускаемых их сотрудниками необъективных действий и выводов никто не застрахован от беспредела в отношении себя. Зная это, все русские люди помнят, что нельзя зарекаться от тюрьмы и сумы. Обращаясь к присяжным заседателям, Т.В. Гонова завершила свою речь следующими яркими фразами:

– Сегодня на скамье подсудимых пожилая женщина, в отношении которой обвинение доказало ее вину лишь в том, что она не вызвала скорую помощь раненому мужу. Завтра на скамье подсудимых может оказаться любой из нас абсолютно без каких-либо доказательств. Поэтому надо задуматься над сегодняшним днем, чтобы «завтра» не удивляться, почему принимаются незаконные решения, почему под-

судимый может оказаться в тюрьме за преступление, которое не совершал. Я и моя подзащитная надеемся, что, несмотря на попытки государственного обвинения доказать ее вину, вы примете единственно правильное решение.

Эти слова, как говорится, услышали присяжные заседатели. В приговоре Суздальского районного суда от 27 марта 2019 года записано: Л.Ю. Жилевская признана невиновной в совершении вменяемого ей деяния. Поэтому в соответствии с пунктами 3, 4 статьи 302, пунктом 2 статьи 350 Уголовно-процессуального кодекса РФ она подлежит оправданию в связи с вынесением коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за отсутствием в ее деянии состава преступления.

Сторона обвинения не согласилась с оправдательным приговором. В судебную коллегия по уголовным делам Владимирского областного суда поступило представление областной прокуратуры на этот приговор. Причем государственные обвинители – его подписанты (два прокурорских работника) – жаловались не на то, что суд присяжных не признал Л. Жилевскую виновной в совершении вменяемого ей преступления, а на то, что присяжные заседатели допустили процессуальные нарушения. Мол, из-за неточных вопросов, поставленных присяжным заседателям, оказалось, что оправдательный приговор суда был поставлен «на неясном и противоречивом вердикте».

Узнав об этом, Т.В. Гонова написала возражения на пред-

ставление прокуратуры Владимирской области во Владимирский областной суд. Ссылаясь на статьи Уголовно-процессуального кодекса РФ, она показала несостоятельность прокурорского представления по всем его позициям. В ее возражениях содержался общий вывод о том, что в ходе судебного процесса не было допущено нарушений требования закона, которые могли повлиять на формирование мнения присяжных заседателей и повлекли бы необоснованное оправдание Л. Жилевской по предъявленному обвинению. Поэтому оснований для отмены оправдательного приговора нет.

Между тем именно на отмене этого приговора настаивала прокуратура. В своем представлении государственные обвинители утверждали, что коллегия присяжных заседателей была сформирована не в соответствии с требованиями закона, напутственные слова председательствующего судьи были сказаны не так, как надо. Кроме того, вопросы присяжным заседателям были сформулированы с лексическими неточностями и не были конкретизированы, что могло повлиять на содержание их ответов. А еще, по мнению прокуроров, сторона защиты неправомерно поставила перед ними частный (альтернативный) вопрос, так как подсудимая полностью отрицала вину по предъявленному ей обвинению. И наконец, прокуроры утверждали, что суд допустил нарушения при составлении протокола судебного заседания. В общем, прокуратура «вывалила» все, что можно, чтобы опорочить

судебное разбирательство, заботясь не столько о законности приговора, сколько о защите чести своего мундира, пытаюсь взять реванш в проигранном деле.

Чтобы проверить законность приговора, Владимирский областной суд был обязан рассмотреть все претензии прокуратуры к оправдательному приговору Л. Жилевской, а также возражения на них адвоката. Областной суд осуществляет такую проверку потому, что наделен правом отменить приговор. Естественно, если установит нарушения требований закона при его вынесении. Есть у этой судебной инстанции и право оставить приговор в силе. Естественно, если таковых не обнаружит.

Разбирательство в апелляционных инстанциях осуществляется открыто и гласно. В рассмотрении прокурорского представления Владимирским областным судом участвовали Т.В. Гонова и прокурор А.В. Каткова. Три судьи Владимирского областного суда в своем апелляционном определении отметили, что в соответствии со статьей 389.25 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили бы право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли бы на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопро-

сов или на содержание данных ими ответов. Основанием для отмены оправдательного приговора может быть также довод, если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на эти недостатки и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Судьи Владимирского областного суда пришли к выводу, что таких нарушений уголовно-процессуального закона при производстве по данному уголовному делу не было допущено. По их мнению, законность состава суда, рассмотревшего дело, сомнений не вызывает, поскольку требования подсудности были соблюдены, а передача дела на рассмотрение его судом с участием присяжных заседателей была обусловлена выбором данной формы судопроизводства самой подсудимой, обвинявшейся в совершении особо тяжкого преступления. Частью 2.1 статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусмотрена возможность рассмотрения таких дел с участием присяжных заседателей.

Апелляционный суд в своем определении написал, что предварительное слушание по делу проведено в установленные законом сроки. Судом установлено, что оправданная ознакомлена с материалами дела, ей своевременно вручена копия обвинительного заключения, разъяснены процессуальные особенности рассмотрения дела с участием присяжных заседателей. Из протокола судебного заседания видно, что формирование коллегии присяжных заседателей прове-

дено в закрытом судебном заседании в соответствии с требованиями статей 327, 328 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Что касается приведенных государственными обвинителями в апелляционном представлении доводов о том, что в формировании коллегии присяжных заседателей незаконно принимала участие помощник судьи Н.Е. Кулова, не отраженная среди участников процесса в письменном протоколе судебного заседания и в приговоре, то такой недостаток не может стать основанием для отмены приговора. Как видно из материалов дела, названный сотрудник суда по поручению председательствующего исполняла лишь техническую работу, связанную с оказанием содействия в подготовке и проведении судебного заседания. В частности, она составляла письменные списки явившихся кандидатов в присяжные заседатели в зависимости от их очередности явки в суд. Процессуальными функциями указанный работник не наделена и юридически значимых действий не совершала. В связи с этим необходимости указания о ней в протоколе судебного заседания не имелось. Объективных данных, свидетельствующих о том, что данный сотрудник, оказывая техническую помощь председательствующему, способствовала или могла способствовать формированию незаконного состава коллегии присяжных заседателей, апелляционная коллегия не установила.

По завершении формирования коллегии присяжных заседателей заявлений о роспуске коллегии ввиду тенденциоз-

ности ее состава от сторон судебного разбирательства не поступало, не заявляли об этом и сами присяжные заседатели. Отводы отдельным присяжным заседателям в ходе дальнейшего судебного разбирательства не заявлялись. В общем, областной суд пришел к выводу, что коллегия присяжных заседателей была сформирована в соответствии с требованиями Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Как говорится, по полочкам были разложены и иные претензии прокуроров к судебному заседанию, состоявшемуся в Суздальском районном суде Владимирской области. И все они оказались несостоятельными. Поэтому судьи апелляционной инстанции отразили в своем определении следующие выводы.

Первый. Принцип состязательности и равноправия сторон председательствующим соблюден, стороны не были ограничены в праве представления доказательств, все представленные доказательства были судом исследованы, заявленные ходатайства разрешены председательствующим в установленном законом порядке, и по ним приняты правильные, мотивированные решения. По окончании судебного следствия ни у кого из участников процесса, в том числе и у стороны обвинения, каких-либо ходатайств о его дополнении не было. Стороне обвинения была обеспечена равная со стороной защиты возможность довести до сведения при-

сяжных заседателей свою позицию по делу.

Второй. Ошибочным был довод государственных обвинителей о том, что включенные в вопросный лист вопросы являлись неясными, не конкретизированными и не позволили присяжным заседателям дать ответы, отражающие объективную истину. Об этом свидетельствует как отсутствие со стороны старшины присяжных заседателей каких-либо просьб о разъяснении содержания вопросов, так и содержание самих ответов, несогласие с которыми не является основанием для сомнений в правильности вердикта.

Третий. Напутственное слово председательствующего, приобщенное к протоколу судебного заседания, соответствовало требованиям статьи 340 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В нем председательствующий напомнила присяжным заседателям обо всех исследованных доказательствах, как уличающих подсудимую, так и оправдывающих ее. Она правильно, вопреки доводам апелляционного представления прокуратуры, изложила позицию защиты, частично признававшей вину Жилевской Л.Ю. в инкриминируемом преступлении и не ставившей вопрос о переквалификации ее действий на менее тяжкое преступление. Правильно председательствующая разъяснила порядок проведения совещания присяжных заседателей, подготовки ответов на поставленные вопросы, а также голосования по ответам и вынесению вердикта. Кроме того, она обоснованно еще раз напомнила, чтобы присяжные заседатели не принимали во

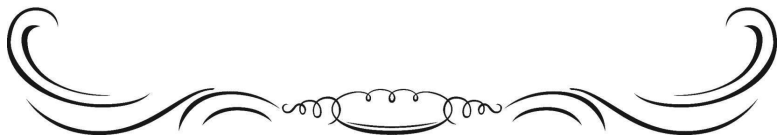
внимание обстоятельства, которые не подлежат учету при вынесении вердикта. Как и требует закон, завершая напутственное слово, председательствующая напомнила присяжным заседателям содержание данной ими присяги, обратив внимание на то, что в случае вынесения обвинительного вердикта они могут признать подсудимую заслуживающей снисхождения.

Четвертый и, пожалуй, самый важный вывод. Вынесенный присяжными заседателями вердикт соответствовал требованиям статьи 343 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Он является ясным и непротиворечивым. Поскольку вердиктом коллегии присяжных заседателей Жилевская Л.Ю. признана невиновной в совершении преступления, суд правильно постановил в отношении нее оправдательный приговор. Основанием для такого приговора стало вынесение коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта за отсутствием в ее деянии состава преступления.

Обоснованно признано за Жилевской Л.Ю. и право на реабилитацию. На основании изложенного суд апелляционной инстанции определил: приговор Суздальского районного суда Владимирской области с участием присяжных заседателей от 27 марта 2019 года в отношении Жилевской Любови Юрьевны оставить без изменения, апелляционное представление государственных обвинителей Добротиной А.М. и Каткова А.В. – без удовлетворения.

Обжаловать апелляционное определение областного суда

в суд кассационной инстанции Владимирская областная прокуратура не рискнула, что было с ее стороны вполне разумно. Ведь и так почти три года потребовалось адвокату Т.В. Гоновой, чтобы доказать невиновность ее подзащитной в случившемся 18 сентября 2016 года несчастье.

«Врач не Бог»

Эти слова произнес в Симоновском районном суде города Москвы адвокат коллегии адвокатов «Союз московских адвокатов» Юрий Васильевич Новоселов. Он защищал врача-хирурга высшей категории, доктора медицинских наук, профессора А. Тягунова, которого обвиняли в причинении смерти по неосторожности гражданке И-вой. Ее доставили в больницу утром 19 августа 2014 года для лечения, но увы, спасти больную не удалось.

В тот злополучный день Тягунов заступил на дежурство в 16.00. Через 10 минут он уже осматривал пациентку. И не один, а с коллегой-хирургом О. Голяковым. Они пришли к выводу, что состояние больной было средней тяжести. Женщина была в сознании, разговаривала. Тягунов принял решение по ее консервативному лечению, то есть без перевода из хирургического отделения в реанимационную палату.

Повторный осмотр пациентки проводился через четыре часа. В третий раз Тягунов осмотрел ее за 10 минут до полуночи. Медсестра сообщила ему, что пациентке стало плохо. Хирург принял решение о необходимости проведения реанимационных мероприятий, которые проводились на протяжении 30 минут, но было поздно. И-ва умерла в 00 часов 40 минут 20 августа 2014 года.

Смерть пациента в больнице – чрезвычайное событие.

Через неделю было организовано служебное расследование обоснованности действий Тягунова по лечению И-вой. Как выяснилось, после доставления пациентки в больницу дежурная бригада врачей-хирургов недооценила тяжесть общего состояния больной, что повлекло за собой задержку ее перевода в реанимационное отделение. С 13 часов 15 минут до 16 часов 10 минут имела место задержка в оказании ей медицинской помощи (то есть до начала прихода Тягунова на дежурство).

Заметим, что непроведение лечебных мероприятий было обусловлено тем, что все врачи хирургического отделения находились на операциях. Претензии в несвоевременном переводе больной в реанимационное отделение были предъявлены и Тягунову. 14 октября 2014 года главный врач городской клинической больницы № 4 объявил ему выговор за недооценку тяжести общего состояния первичного осмотра И-вой, результатом чего стал несвоевременный ее перевод для интенсивной терапии в реанимационную палату.

Далее еще хуже. Дочь потерпевшей обратилась в правоохранительные органы. В отношении Тягунова и его коллеги по несчастью было возбуждено уголовное дело, затянувшееся почти на пять лет. Тягунова обвинили в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ. Данной нормой Уголовного кодекса РФ к числу преступлений отнесено причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессио-

нальных обязанностей. Наказание за это преступление может быть в виде ограничения свободы на срок до трех лет. И не только. Виновного суд может приговорить к лишению свободы на тот же срок, а также лишить его права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в течение трех лет.

В общем, довольно неприятные последствия ждут тех, кто виноват в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Защиту Тягунова в суде и на завершающей стадии расследования уголовного дела осуществляли адвокат В.В. Новоселов и его сын Юрий Васильевич. Они понимали, что нет смысла участвовать в споре медиков о правильности или неправильности поставленного Тягуновым диагноза больной и методов ее лечения. Этот вопрос вне сферы их компетенции.

В сложных уголовных делах, требующих специальных знаний, адвокаты подтверждают необходимость своего участия в их разбирательстве умением оценивать нормативные документы, которые регулируют определенную профессиональную деятельность, сопоставлять поведение специалистов, в данном случае врачей, на соответствие требованиям, содержащимся в ведомственных приказах и законодательстве. И не только. На основе такой аналитической работы адвокаты должны уметь делать выводы, которые следует ис-

пользовать в качестве аргументов в защиту своих доверителей.

Отец и сын Новоселовы в полной мере обладают этими умениями. В прениях в судебном процессе в Симоновском районном суде города Москвы выступал Ю.В. Новоселов. Прежде всего, он дал характеристику личности подсудимого. Он обоснованно сказал, что Тягунов не только хирург с 25-летним практическим стажем, но и крупный ученый, преподаватель, автор многочисленных научных работ, в том числе по проблемам кишечной непроходимости. Он человек, посвятивший всю свою жизнь хирургии, врач, оперирующий больных, врач, возвращающий своим пациентам здоровье.

Огромный практический опыт и глубокие знания в сфере своей деятельности позволяли Тягунову критически оценить заключения двух судебно-медицинских экспертиз и не согласиться с их выводами, которые были положены в основу обвинительного заключения. Поддерживая своего подзащитного, Ю.В. Новоселов поставил перед судьей вопрос: «Разве мог Тягунов отвечать за то, что происходит в больнице за четыре часа до его прихода на дежурство?» И сам ответил: «Конечно, нет, ведь он не был ответственным за организацию работы больницы в приемном покое».

Критически отнесся адвокат и к выводу о том, что выявленные дефекты при оказании медицинской помощи И-вой в виде несвоевременной, неадекватной консервативной терапии, непроведение оперативного лечения не стали причи-

ной смерти пациентки, а лишь создали условия, в которых заболевание прогрессировало и привело к трагическому финалу. Этого вывода было недостаточно, чтобы признать действия Тягунова действиями, приведшими к смерти больной, и не говорили о его вине в случившейся трагедии.

В заключениях обеих экспертиз адвокаты не нашли ответа на вопрос: «Какие конкретно нарушения допустил подсудимый при оказании И-вой медицинской помощи, которые привели к ее смерти?» Указав на эти погрешности экспертиз, Ю.В. Новоселов дал им оценку, исходя из содержания правовых норм, имеющих отношение к данному судебному разбирательству. Он напомнил, что, согласно статье 5 Уголовного кодекса РФ, лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Следовательно, установление прямой причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими общественно опасными последствиями является обязательным условием для обвинения лица в совершении преступления. Этот принципиально важный принцип уголовного права означает, что при отсутствии причинно-следственной связи между действиями врачей и смертью И-вой, установленной экспертами, не существует «обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу».

Данный вывод Ю.В. Новоселова был прелюдией для

утверждения в суде тезиса о том, что обвинение базируется на судебно-медицинской экспертизе, которая не установила причинно-следственные связи между действиями Тягунова и смертью пациентки больницы. Такая реальность исключает само наличие состава преступления!

Далее адвокат счел необходимым напомнить суду о том, что комиссия экспертов судебно-медицинской экспертизы руководствовалась устаревшим справочником 15-летней давности. Судя по их заключениям, Тягунов должен был использовать препараты, которые на протяжении последних 10 лет были запрещены к использованию на территории нашей страны. Ошибочность этих рекомендаций экспертов была подтверждена в ответах на запрос в Росздравнадзор трех независимых специалистов-гематологов, в том числе академика РАН В. Савченко.

Допрошенная в судебном заседании эксперт О. Седнева сообщила, что диагноз потерпевшей был поставлен правильно и Тягунов сделал все возможное для ее лечения при сложившихся условиях. Что касается ненаправления больной в реанимацию, то в нормативных документах не указано, в каких случаях хирурги обязаны это сделать. Да и после операции летальность оставалась высокой. Вот только не те препараты использовались для лечения больной.

Учитывая такую противоречивость выводов комиссии экспертов и выступившего в суде эксперта, адвокаты Новоселовы возбудили ходатайство о проведении повторной ко-

миссионной экспертизы. Но суд отклонил это ходатайство. Кстати, так поступил и следователь, который вел предварительное следствие, когда защита просила провести повторную медицинскую экспертизу. Преодолеть это препятствие адвокатам не удалось, хотя их требование было законным и основывалось на статье 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Не помогла и ссылка адвокатов на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

В заключительной части своего выступления, Ю.В. Новоселов отметил, что Тягунов избрал правильную тактику лечения И-вой. Более того, ее дочь сказала, что он добросовестно относился к своим обязанностям. В то же время она просила лишь не наказывать его строго. Все это позволило адвокату сделать общий вывод о том, что стороной обвинения не представлены доказательства совершения Тягуновым преступления по неосторожности. Он напомнил суду, что это преступление подразумевает совершение преступления по легкомыслию или небрежности. Тягунов же не мог допустить легкомыслие, то есть предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был предвидеть эти последствия.

Не действовал Тягунов неосторожно. Он осуществлял лечение, осознавая, что непроведение предложенного им ком-

плекса консервативной терапии может привести к смерти пациентки. Но, как специалист высшей, 16-й категории, он понимал, что оперативное вмешательство еще больше увеличивало риск смерти. Иных же способов лечения заболевания И-вой не существовало. В общем, получалось, что Тягунов из двух зол выбрал меньшее. Сказал, конечно, Ю.В. Новоселов, что хирург действовал в рамках должностной инструкции и других нормативных документов, и эти факты никем не опровергнуты. Поэтому подсудимого Тягунова следует признать невиновным и оправдать его. Что касается заявленного дочерью И-вой гражданского иска, то его следует рассмотреть в порядке гражданского судопроизводства.

Несмотря на убедительную речь Ю.В. Новоселова и последовательные иные действия обоих Новоселовых, Симоновский суд города Москвы в лице председательствующего судьи Н.В. Репниковой решил иначе.

В оглашенном ею приговоре от 21 мая 2019 года записано, что Симоновский районный суд города Москвы установил, что А.Е. Тягунов совершил причинение смерти пациентке больницы по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Суд посчитал, что он действовал небрежно и мог предвидеть смерть И-вой. Однако не выявил показания к ее переводу в отделение реанимации и неотложной терапии, допустил недостатки в оказании медицинской помощи пациентке, ненадлежащим образом исполнил возложенные на него профессиональные

обязанности, выразившиеся в непроведении комплекса консервативной терапии, не проводил динамический контроль за состоянием И-вой.

Включая эти сведения в приговор, судья, по существу, переносила механически соответствующие строки обвинительного заключения. Эти строки, в свою очередь, основывались на выводах экспертизы от 11 мая 2016 года. Однако ни следствие, ни затем судья не учитывали, что экспертиза не установила непосредственной причинно-следственной связи между лечением и смертью пациентки. Кроме того, эксперты дали некавалифицированные рекомендации о применении препаратов, использование которых могло вылечить больную. К числу прегрешений хирурга судья отнесла и слишком поздний перевод пациентки в отделение реанимации.

Судя по приговору, вина Тягунова подтверждалась не только заключениями экспертов, но и показаниями дочери умершей, а также заместителя главного врача больницы. Между тем это должностное лицо отметило, что только один врач из пяти врачей, которые осматривали пациентку, оценил ее состояние как тяжелое. Выговор же Тягунову был объявлен лишь за дефекты при оформлении документации, а не за недостатки при оказании медицинской помощи больной.

В группу свидетелей, якобы выступивших на стороне обвинения, судья отнес 11 человек. Однако большинство из них лишь косвенно отмечали недостатки в работе хирурга Тягунова. Например, его напарник по дежурству Голяков со-

общи́л, что все их действия были правильными. Заместитель главного врача больницы по хирургической помощи сообщил, что, по его мнению, пациентка не нуждалась в помещении ее в реанимацию, а назначенное Тягуновым лечение было возможным. Его метод, равно как и иной метод (их всего два), несет риск. Летальный исход в обоих случаях имелся. Не дал показания против Тягунова и свидетель обвинения хирург Нурлыев. Он сказал лишь, что после работы в 16 часов 20 минут ушел домой, убедившись, что И-вой стал заниматься Тягунов. Не обвинял его и хирург Е. Чернышков, который примерно в 10 часов утра первым производил осмотр поступившей в больницу И-вой. Он сказал, что ее состояние было тяжелым, но показаний для срочного направления в реанимацию не было. Лишь Седнева, которая была в составе комиссии, проводившей судебную экспертизу, настаивала на правильности их экспертизы, в частности на том, что больная должна была быть направлена в реанимационное отделение, где имелась возможность для проведения всего комплекса необходимой терапии. В то же время она призналась, что нормативно установленные процедуры должен был назначить хирург еще в приемном отделении. Если он не сделал этого, то это следовало бы сделать Тягунову, чтобы соблюсти принцип преемственности.

По сути, Седнева была основным свидетелем со стороны обвинения. Она сообщила, что врачи недооценили в полной мере состояние тяжести болезни пациентки, что в совокуп-

ности привело к летальному исходу. В то же время вывод комиссии об отсутствии причинно-следственной связи в смерти пациентки и действиях Тягунова она не отрицала. Она разъяснила, что дефекты в оказании медицинской помощи в течение всего времени нахождения больной в больнице способствовали развитию опасного заболевания и создали условия к наступлению смерти больной. Этому способствовало и то, что после 16 часов лечение, «может, и проводилось, но было недостаточным». Это создало условия для «прогрессирования» заболевания и привело к смерти пациентки.

Когда ее попросили пояснить, почему эксперты назвали официально снятый с перечня лекарств препарат для возможного лечения больной, эта свидетельница «выкрутилась» следующим образом. Она заявила, что эксперты имели в виду характер (то есть свойства) данного препарата, а не конкретизировали применение именно его. Не убедительно, но судья посчитала иначе.

В «подверстку» обвинительной части приговора были приобщены заключения судебно-медицинских экспертиз, протокол осмотра медицинской карты И-вой, акт служебного расследования, приказ главного врача больницы об объявлении Тягунову выговора, а также постановления в отношении двух хирургов о прекращении их уголовного преследования: одного – в связи с актом об амнистии, другого – в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

В приговоре судья записала, что суд доверяет показаниям потерпевшей, то есть дочери И-вой, и свидетелей обвинения. Свой вывод аргументировала словами: «Их показания последовательны, логичны и существенно не противоречат друг другу». Кроме того, эти показания «подтверждаются иными доказательствами по делу» (имелись в виду вышеупомянутые заключения экспертов).

А вот доводы защитников, их свидетелей, да и самого подсудимого Тягунова, как говорится, на радость обвинению суд признал несостоятельными. По мнению судьи, виновность Тягунова подтверждалась заключением судебно-медицинской экспертизы. Кроме того, показания свидетелей защиты суд не может принять во внимание как доказательство невиновности Тягунова в инкриминируемом ему деянии, поскольку свидетели защиты высказали лишь свое субъективное мнение. Отверг суд и доводы защиты об отсутствии прямой причинно-следственной связи между действиями «врачей» и смертью пациентки. В общем, суд как бы не заметил, что адвокат Ю.В. Новоселов говорил об отсутствии причинно-следственной связи между действиями Тягунова и смертью пациентки.

В итоге суд нашел правильным квалификацию действий подсудимого по части 2 статьи 109 Уголовного кодекса РФ и назначил А.Е. Тягунову наказание в виде ограничения свободы сроком на один год. Ему установили ограничения в виде запрета выезда за пределы Москвы, запрета без согласия

надзорного органа изменять место жительства. Кроме того, Тягунов обязан один раз в месяц являться в этот орган для регистрации.

Парадоксально, но факт: все участники данного судебного процесса, включая самого Тягунова, знали, что это наказание было неисполнимо. Его неисполнимость была обусловлена тем, что еще за два года до судебного разбирательства истек срок давности привлечения Тягунова к уголовной ответственности. Ведь пациентка умерла 20 августа 2014 года. Расследование уголовных дел по статье, по которой обвинялись врачи, в том числе и Тягунов, должно быть завершено в течение трех лет с момента его совершения. По непонятным причинам следственные органы нарушили этот срок. Врач, который был напарником Тягунова в то злополучное дежурство, не возражал, когда дело в отношении его было прекращено в связи с истечением срока давности. А вот Тягунов и, соответственно, его защитники отец и сын Новоселовы отказались от такого завершения разбирательства причин смерти И-вой. Хирургу 16-го разряда, то есть высшей категории, Александру Евгеньевичу Тягунову было важно защищать честь и достоинство, свою правоту при определении диагноза И-вой и метода ее лечения. Поэтому он решил идти до конца, в связи с чем и состоялся описанный нами суд.

Но эмоции эмоциями, а закон законом. Поэтому в анализируемом приговоре Симоновского районного суда города Москвы от 21 мая 2019 года было записано: «...на осно-

вании пункта “а” статьи 78 УК РФ освободить А.Е. Тягунова от отбывания назначенного ему наказания в связи с истечением срока давности».

Кроме того, суд отклонил гражданский иск дочери И-вой о взыскании с Тягунова А.Е. в счет возмещения морального вреда денежных средств в размере одного миллиона рублей и предложил ей добиваться решения этого вопроса в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, финал рассмотрения данного уголовного дела не предусматривал реального наказания Тягунова. Однако дефакто его вина в смерти И-вой как бы подтверждалась. Ведь обвинение в его адрес утрачивало юридическую силу не потому, что его оправдал суд в связи с невиновностью, а в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Это, кстати, сохраняло право дочери И-вой требовать от него компенсации возмещения морального вреда. В том числе поэтому, а не только из-за незаконности данного приговора адвокаты подготовили и направили апелляционную жалобу в Судебную коллегия по уголовным делам Московского городского суда на приговор федерального судьи Н.В. Репниковой от 19 мая 2019 года.

В апелляционной жалобе адвокат В.В. Новоселов в защиту осужденного Тягунова выразил несогласие с приговором. Такое же несогласие с приговором в дополнение к апелляционной жалобе высказал его сын. Адвокаты отметили, что суд дал ошибочную оценку важным обстоятельствам дела,

настаивали на том, что в суде не было установлено преступной связи в действиях их подзащитного с причиной наступления смерти И-вой. Они указали на то, что, как оказалось, больная И-ва в течение 36–38 часов с начала заболевания находилась дома. Когда же Тягунов начал лечение больной, то было упущено достаточно много времени, обратили внимание адвокаты и на то, что их подзащитный четко выполнял требования приказа, в котором были определены полномочия хирурга. Повторили отец и сын Новоселовы и другие ранее приведенные аргументы, доказывая отсутствие причинно-следственной связи между действиями Тягунова и смертью И-вой.

Проверив эти жалобы и оценив все материалы дела, Московский городской суд под председательством судьи Е.А. Гудошниковой определил, что установленные дефекты в оказании медицинской помощи И-вой не являются причиной смерти пациентки и не находятся в прямой причинно-следственной связи с ее смертью. Именно такое заключение сделали эксперты, на что многократно обращали внимание адвокаты в суде первой инстанции и ранее во время следственных действий (к защите Тягунова они приступили через два года после возбуждения уголовного дела).

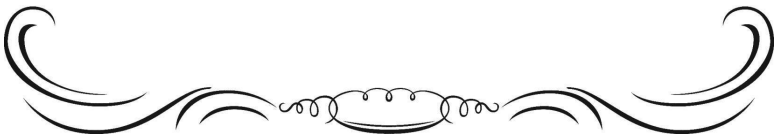
Апелляционный суд сделал вывод, что указанные обстоятельства при оценке поведения Тягунова судом первой инстанции не были учтены в должной мере. Более того, допущенные Тягуновым нарушения-дефекты при оказании

несвоевременной помощи в виде несвоевременной, неадекватной консервативной терапии не содержат ни одного из обязательных признаков состава преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 Уголовного кодекса РФ, а именно необходимости причинно-следственной связи между действиями (бездействием) и наступившими последствиями. Именно это пытались доказать адвокаты в суде первой инстанции.

Исходя из этих выводов, суд апелляционной инстанции постановил приговор Симоновского районного суда города Москвы в отношении А.Е. Тягунова отменить, а уголовное дело в его отношении прекратить в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. А еще этот суд признал за Тягуновым право на реабилитацию.

Однако успокаиваться было рано. Это постановление обжаловал заместитель прокурора города Москвы. В связи с этим уже Судебная коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции вернулась к данной судебной тяжбе. 25 мая 2020 года она отменила предшествующее судебное решение и направила материалы дела на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд, но в ином составе суда. 19 августа 2020 года Суд апелляционной инстанции по уголовным делам Московского городского суда в лице председательствующей судьи С.В. Федоровой выполнил поручение вышестоящего суда. Обвинение поддерживали два прокурора. Защищали А.Е. Тягунова В.В. Новоселов

и его сын Юрий. Судя по протоколу судебного заседания, перед глазами председательствующей судьи вновь промелькнули ранее описанные эпизоды вменяемого Тягунову и другим подсудимым преступления. Только свидетельница Седнева, показания которой были положены ранее в обоснование виновности А. Тягунова, сказала, что в приговоре суда первой инстанции были неправильно отражены ее показания. Болезнь И-вой прогрессировала сама по себе, то есть она была обречена. А еще было установлено, что проведенные экспертизы не показали, какие конкретно просчеты допустил А. Тягунов. В общем, и на этот раз убедительнее была позиция А. Тягунова и его защитников. Поэтому вполне закономерно, что суд апелляционной инстанции постановил: приговор Симоновского районного суда города Москвы от 21 марта 2019 года в отношении Тягунова Александра Евгеньевича отменить. Далее в постановлении от 19 августа 2020 года записано: уголовное дело в отношении Тягунова Александра Евгеньевича прекратить на основании пункта 2 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

Фальсификация

Когда вспоминают пословицу «Ворон ворону глаз не выклюет», хотят сказать, что люди равного статуса всегда найдут общий язык и договорятся между собой в случае возникновения конфликта. В общем, не станут друг другу выклеивать глаза. Но судебная практика не подтверждает эту пословицу. Наоборот. Судя по многим уголовным делам, она не относится к сфере бизнеса. По нынешним временам мошенники ради наживы идут на любые ухищрения. Даже суды, как ни странно, они достаточно успешно используют для достижения своих корыстных целей. Зная об этом явлении, председатель Московского городского суда Егорова, проработавшая в этой должности двадцать лет, например, постоянно призывала столичных судей к бдительности, требовала от них проверки всех поступающих в суды документов.

О нездоровых взаимоотношениях бизнесменов свидетельствует и уголовное дело по обвинению К-ва в совершении мошенничества, то есть в приобретении права на чужое имущество путем обмана, совершенного в особо крупном размере. По мнению следствия, К-в позарился на имущество своего бывшего партнера В-ны. Причем на весьма крупную сумму – примерно на 180 миллионов рублей. Согласно санкции части 4 статьи 159 Уголовного кодекса РФ, а именно в ней установлена ответственность за мошенничество в особо

крупном размере, виновным в совершении этого преступления грозит до 15 лет лишения свободы. Осужденный на такой срок человек вряд ли сможет вернуться в бизнес после отбытия наказания.

Материалы уголовного дела, возбужденного по инициативе В-ны, говорят о том, что именно эту цель преследовал он, требуя наказания человека, с которым более десятка лет вел совместный бизнес. Для того чтобы К-в не скрылся, 19 сентября 2018 года его взяли под стражу и продержали в следственном изоляторе до 14 февраля 2019 года. К этому времени следствие подошло к завершению. Может быть, поэтому 15 февраля 2019 года К-ву заменили меру пресечения на залог в размере 3 миллионов рублей. Поэтому на суд, в отличие, например, от актера Михаила Ефремова, которого привозили в суд на служебном автомобиле, К-в ходил в это казенное заведение пешком и добровольно.

Защищал К-ва в суде адвокат Сергей Анатольевич Соколов. Как и положено, «погружаться» в дело он начал с изучения обвинительного заключения. Согласно этому официальному документу, скрепленному прокурорской подписью, К-в был генеральным директором общества с ограниченной ответственностью компании «Квадро». Через представителя по доверенности С. Горбунову, не осведомленную о его преступной деятельности, действуя умышленно, из корыстных побуждений, в целях незаконного приобретения права на имущество своего партнера по бизнесу В-ны путем обма-

на 8 мая 2015 года он подал исковое заявление в Реутовский городской суд. В иске содержалось требование о взыскании с В-ны денежных средств по договору купли-продажи паев фонда «Земли Подмосковья» в размере почти на 180 миллионов рублей, а также расходы по государственной пошлине в размере 60 000 рублей. Данное требование мотивировалось тем, что по договору купли-продажи ценных бумаг от 6 декабря 2012 года, якобы заключенному между В-ной и кипрской офшорной компанией «Синтелпа», ответчик приобрел ценные бумаги – паи названного фонда в количестве 1774 по цене 101 600 рублей за штуку, но их стоимость не оплатил. Иск от компании «Квадро» был подан в суд потому, что ей перешло право требования по упомянутому выше договору от 6 декабря 2012 года.

Далее в обвинительном заключении было записано, что Реутовский городской суд в лице федерального судьи Радиевского вынес заочное решение от 31 августа 2015 года о взыскании с ответчика в пользу истца 180 миллионов рублей.

Об этом В-на узнал, лишь когда представителю К-ва был выдан исполнительный лист на взыскание с него 180 миллионов рублей. В-на добился отмены заочного решения названного суда. Он доказал, что в договоре купли-продажи ценных бумаг, которым руководствовался суд, вынося заочное решение, была подделана его подпись. Более того, и сам договор был сфальсифицирован. Его В-на не заключал, а паи

на 180 миллионов рублей приобрел у частного лица, а не у фонда «Земли Подмосковья». Эти показания подтвердил эксперт.

Кроме обвинительного заключения, в подтверждение виновности К-ва в особо крупном мошенничестве Реутовскому городскому суду в составе председательствующего судьи О.Г. Сидоренко были представлены копия искового заявления о взыскании с В-ны 180 миллионов рублей, копия договора купли-продажи ценных бумаг от 6 декабря 2012 года, копия договора об уступке прав требования от 26 марта 2014 года, заключенного между «Квадро» в лице К-ва и офшорной компанией «Синтелпа», также в лице К-ва. Согласно этому договору, права требования по договору от 6 декабря 2012 года переходили к компании «Квадро». Для большей убедительности следствие представило суду еще ряд копий документов как бы подтверждающих причастность К-ва к преступному мошенничеству.

Государственное обвинение в этом судебном процессе поддерживал не только заместитель городского прокурора, но и два его помощника. Ситуация усугублялась тем, что К-в ранее (22 декабря 2015 года) был осужден за совершение другого преступления, подпадавшего под часть 4 статьи 160 Уголовного кодекса РФ, то есть за присвоение ценных бумаг и документов у клиентов компании «Квадро». В связи с этим он около двух лет находился в местах лишения свободы, включая время, когда в Реутовском городском суде рас-

смаатривалась первая его тяжба с В-ной.

Этот печальный факт из биографии К-ва свидетельствовал о том, что он мог совершить новое преступление. Ведь не зря говорят, что тюрьма не лечит, а калечит. Реально существующая рецидивная преступность подтверждает это наблюдение криминалистов. Доказать обратное, то есть то, что на К-ва эта закономерность не распространяется, и взялся С.А. Соколов. Естественно, не ради того, чтобы сломать сложившиеся стереотипы. Как и во всех иных случаях своего участия в судебных делах, С.А. Соколов стремился собрать доказательства, на основании которых суд смог бы вынести законный и справедливый приговор. Он не безразличен, конечно, и к судьбам своих доверителей, особенно в тех случаях, когда у них, как у К-ва, есть несовершеннолетние дети. А у К-ва на иждивении было двое малолетних детей. Новое наказание отца, безусловно, отразилось бы и на их судьбе. Да и его жене выживать было бы труднее.

Обо всем этом С.А. Соколов говорил в своей защитительной речи. Однако его основные усилия при подготовке к судебному заседанию были направлены на поиск доказательств, подтверждающих невиновность его доверителя или, по меньшей мере, смягчающих его вину.

Вникнув в суть деятельности компаний, которыми руководил К-в, а его партнером по бизнесу был В-на, а также в особенности их взаимоотношений, С.А. Соколов установил следующее. В целях повышения уровня конкуренции ком-

пании «Квадро» они решили увеличить ее уставный капитал с 180 миллионов рублей до 500 миллионов. Увеличить уставный капитал было решено не деньгами, а паями инвестиционного фонда «Земли Подмосковья», которыми в количестве 8000 штук владела подконтрольная им компания «Синтелпа». Реализуя договоренность между собой, К-в и В-на поручили юристу компании «Квадро» Ануфриеву подготовить договоры, необходимые для реального увеличения ее уставного капитала. Юрист подготовил два договора. Первый о купле-продаже ценных бумаг между компанией «Синтелпа», от имени которой по доверенности выступил К-в, и самым К-вым. Фигурантами второго договора были та же компания «Синтелпа» в лице К-ва и В-на. Оба договора датировались 6 декабря 2012 года, но вступали в силу на следующий день, так как ценные бумаги в соответствии с действующим законодательством нужно было зарегистрировать по базе депозитария. В результате этих сделок К-в и В-на приобретали в собственность по 1774 пая закрытого инвестиционного фонда «Земли Подмосковья» по цене 101 600 рублей за штуку.

Договором от 6 декабря 2012 года допускалась отсрочка платежа до 1 февраля 2013 года, что было вполне резонно. Ведь покупатели должны были заплатить «Синтелпе» почти по 180 миллионов рублей каждый. Но и без уплаты пай были зарегистрированы в установленном порядке в налоговых органах в счет увеличения уставного капитала компании

«Квадро» до 500 миллионов рублей. Сделки совершались под благоприятным для бизнесменов поводом – для реализации закрепленного в Конституции России 1993 года права на частную собственность на землю.

Когда такое право включали в Основной закон страны, предполагалось, что крестьянин, получив земельный пай, сможет на выделенной ему земле создать для себя и своей семьи «райскую» жизнь. Но увы. Оказалось, что добиться в одиночку достойной жизни невозможно. Поэтому бывшие колхозники и работники совхозов в массовом порядке избавлялись от принадлежащих им земельных паев. Земля стала предметом купли-продажи, чем и воспользовались предприимчивые люди. Скупая за бесценок земельные паи, они быстро и баснословно обогатились. Но, как известно, денег много не бывает. Вот и К-в и В-на в пору ведения совместного бизнеса хотели большего. Они задумали создать собственный паевой инвестиционный фонд и внести в него паи на скупленные земельные участки. С созданием фонда у них появился бы важный финансовый инструмент – паи с высокой оценочной стоимостью примерно в 8 миллиардов рублей.

Таким образом существенно повышался и имидж компании «Квадро» на финансовом рынке как учредителя паевого инвестиционного фонда. При этом компания получала хороший рейтинг надежности, а соответственно, конкурентные преимущества по сравнению с другими участниками рынка

ценных бумаг.

В общем, задуманная покупка паев на землю была выгодна и К-ву, и В-не как реальным владельцам «Квадро». Предполагалось, что эта компания будет единственным учредителем паевого фонда. В схему покупки паев у фонда «Земли Подмосковья» была включена и подконтрольная К-ву и В-не компания «Синтелпа», уже владеющая ценными бумагами на землю на достаточную сумму.

Выйти на новый уровень совместного бизнеса не удалось. Возможно, потому, что В-на решил стать единственным собственником достаточно крупного бизнеса. Купленные у «Синтелпы» паи он не оплатил. В свою очередь К-в оформил 26 марта 2014 года переуступку долговых требований «Синтелпы» к В-не на компанию «Квадро». Причем соответствующий договор он подписал как директор «Квадро» и как доверенное лицо «Синтелпы», что не противоречило действующему законодательству. Как директор компании «Квадро» К-в получал рычаги влияния на В-ну. Но воспользоваться этим преимуществом он не успел. Как уже отмечалось, против К-ва было возбуждено уголовное дело по части 4 статьи 160 Уголовного кодекса РФ, и он был осужден. Пока он отбывал наказание, де-факто руководил компанией В-на.

Во время нахождения К-ва в Рязанской колонии общего режима случилась детективная история, героем которой была его адвокат – упомянутая ранее С. Горбунова. Еще

до ареста К-в выдал С. Горбуновой доверенность. Согласно этой доверенности, она уполномочивалась на процессуальные действия в интересах компании «Квадро», в том числе в судах общей юрисдикции. В апреле 2015 года к ней обратилась супруга К-ва и передала просьбу мужа подать иск против В-ны. С целью выполнения этой просьбы С. Горбунова позвонила в офис компании «Квадро», ибо войти в здание можно было лишь при наличии согласия В-ны. С ней говорил неизвестный человек. Выслушав ее просьбу – дать договор от 6 декабря 2012 года, сказал, что ей перезвонят. С. Горбунова продиктовала номер своего мобильного телефона. Через пару дней ей позвонил не представившийся мужчина. Он сообщил о возможности исполнения ее просьбы. В тот же день безымянный курьер доставил ожидаемый договор по указанному ею адресу.

На основании полученных из офиса компании «Квадро» документов С. Горбунова составила и подписала два исковых заявления и направила их в Реутовский городской суд. К искам были приложены копии с оригиналов доставленных курьером документов.

О том, что она снимает копии с оригинала договора, С. Горбунова не сомневалась, ибо договор был удостоверен печатями синего цвета, что свидетельствовало о его подлинности. Как уже было сказано выше, суд 31 августа 2015 года вынес заочное решение в пользу компании «Квадро». Когда С. Горбунова попала в московский следственный изоля-

тор № 2 Бутырку, она сообщила К-ву о том, что получила исполнительный лист о взыскании с В-ны задолженности за неоплаченные ценные бумаги на землю. Однако К-в решил не предъявлять исполнительный лист к исполнению и не возбуждать на его основании исполнительное производство. В дальнейшем, в судебном заседании, К-в объяснил свое решение тем, что в его адрес поступали угрозы и он боится за свою семью.

После отмены заочного судебного решения о взыскании с В-ны денег за неоплаченные ценные бумаги исполнительное производство стало невозможным. Зато В-на приобрел, как ему казалось, доказательства, изобличающие К-ва в мошеннических действиях, и, видимо, решил не упустить шанс избавиться раз и навсегда от своего бывшего партнера, уничтожить его как бизнесмена.

Имея подтверждение в виде судебного решения о том, что договор от 6 декабря 2012 года является незаконным, В-на сообщил следствию, что земельные паи он купил у гражданина Числова Е.П. по договору между ними. Причем он полностью оплатил Числову 180 миллионов рублей.

Во время судебного заседания на вопрос адвоката «Где оригинал договора с Числовым?» В-на ответил: «Не помню». Память опять его подвела, когда адвокат спросил, был ли реально увеличен капитал. На этот вопрос В-на также ответил: «Не помню». Чтобы от него отстали, сказал, что фактическим собственником компании «Квадро» был К-в. Он же, то

есть В-на, был номинальным лицом.

Такой статус он подтвердил словами о том, что не имел права подписи и занимался хозяйственными делами, не зная, как называлась его должность.

Числов подтвердил слова В-ны о продаже ему паев на 180 миллионов рублей, точнее – на сумму 177 миллионов 400 тысяч рублей на условиях договора от 6 декабря 2012 года. Но и у него отшибло память, когда попросили уточнить, каким способом была произведена оплата по этому договору.

В-на и Числов не учли, что чем больше они ссылались на плохую память, тем больше усиливали сомнение у суда в правдивости их показаний. Это, бесспорно, было на руку подзащитному С.А. Соколова. Не может бизнесмен, участвующий в многомиллионных сделках, а после осуждения в 2015 году К-ва ставший де-факто руководителем этой компании, страдать провалами памяти. В таком состоянии не смог бы он контролировать работу сотрудников компании, в числе которых был и Е. Числов, страдающий по странному совпадению, как и В-на, забывчивостью.

Примечательно, что о договоре купли-продажи у Числова ценных бумаг В-на вспомнил лишь в 2018 году. Между тем заявление в следственные органы он подал годом раньше. Узнав об этом, адвокат К-ва стал выяснять, почему В-на не заявлял ранее о существовании договора между ним и Числовым. Вразумительного ответа на этот вопрос не последовало. Не помнил он, где был заключен данный договор,

какие еще документы подписывались при этой сделке, каким образом и как была произведена оплата Числову ценных бумаг.

Путаницу с этим договором невольно усилил Числов, сообщивший, что большая часть ценных бумаг, которые он продал В-не, принадлежала не ему, а неизвестному человеку. Как говорится, приехали.

Несмотря на такие, мягко говоря, странности, а по существу действия, направленные на введение в заблуждение правосудия, судье было необходимо определить, какие договоры, связанные с реально состоявшейся продажей ценных бумаг для увеличения уставного капитала компании «Квадро», были настоящими, а какие сфальсифицированы. Именно от ответа на эти вопросы зависело содержание приговора, который нужно было вынести по результатам судебного следствия.

Для поиска истины в рассматриваемом деле нужно было использовать косвенные доказательства. Оказалось, что многие документы, представленные следствием суду, относились к периоду, не актуальному для предъявленного обвинения по статье 159 УК РФ. Причем они были в открытом доступе. Поэтому не могли использоваться как доказательства вины К-ва в мошенничестве. В то же время было очевидно, что следствие не проверило показания В-ны и Числова о содержании якобы заключенного между ними договора от 6 декабря 2012 года и особенностях его исполнения.

В связи с этим суд в своем приговоре зафиксировал, что только в судебном заседании выяснилось, что инвестиционные паи, которые Числов якобы продал В-не, не в полном объеме были у него в собственности. В каком именно количестве они были в его собственности, свидетель со стороны обвинения не смог ответить. Не назвал он фамилию человека, которому принадлежали остальные проданные ценные бумаги. В суде была обнаружена ошибка в реквизитах представленной Числовым копии договора купли-продажи ценных бумаг от 6 декабря 2012 года за его подписью и подписью В-ны. В качестве основания для осуществления перехода прав собственности на ценные бумаги в этом договоре был указан междепозитарный договор между «Квадро» и НКО ЗАО «Национальный расчетный депозитарий». Но в реальности паи фонда «Земли Подмосковья» хранились в другом депозитарии – ЗАО «Первый расчетный депозитарий». Выявив такие погрешности, суд признал несостоятельными ссылки потерпевшего В-ны и свидетеля Числова на договор от 6 декабря 2012 года.

Для обоснованности такого вывода суда адвокат С.А. Соколов представил суду сотрудников компании «Квадро», которые готовили в декабре 2012 года подлинный договор о покупке паев фонда «Земли Подмосковья» и закрепляли на электронных носителях факт увеличения уставного капитала компании «Квадро». Так, С. Ануфриев, работающий в компании «Квадро» юристом, показал, что по поручению

К-ва подготовил комплект документов для подачи в межрайонную Федеральную налоговую службу № 46 по городу Москве, которые были необходимы для увеличения уставного капитала компании «Квадро». Ануфриев подготовил два идентичных договора, в одном случае покупателем у «Сентелпы» 1774 паев был В-на, во втором К-в. Этот свидетель защиты далее сказал, что в депозитарных отчетах была информация о том, что паи фонда «Земли Подмосковья» в количестве 1774 списаны со счета В-ны и зачислены на счет «Квадро». На счет этой компании было зачислено такое же количество ценных бумаг, списанных со счета К-ва. Тем самым компания «Квадро» стала собственником 3548 паев.

На этом основании налоговая служба провела регистрационную запись об увеличении уставного капитала компании «Квадро» до 500 миллионов рублей.

С. Ануфриеву показали в суде еще и копию договора купли-продажи ценных бумаг между «Сентелпой» и В-ной. Свидетель сказал, что это не тот договор, который он готовил. Все договоры печатались шрифтом Times New Roman 12, а представленная копия была изготовлена другими шрифтами. Но главным несоответствием было то, что на «шапке» копии были указаны не только реквизиты компании «Сентелпа». В первых строках договора было записано, что от этой компании действует лицо на основании доверенности от 1 ноября 2013 года. Получалось, что договор, копию которого показали в суде Ануфриеву, был подписан почти че-

рез год после проведенной сделки купли-продажи ценных бумаг в пользу В-ны. Свидетель сказал и о том, что в проекте договора, который он готовил от имени «Сентелпы», упоминалась и компания «Квадро», действующая на основании регламента о присоединении, а не доверенности, выданной конкретному лицу.

С.А. Соколов разыскал еще одного свидетеля, который в компании «Квадро» работал в аналитическом отделе. Г. Сягаев готовил проведение операции закрепления в депозитарии списания со счетов «Сентелпы» на счета В-ны и К-ва по 1774 пая и последующего перевода этих ценных бумаг в уставный капитал компании «Квадро». Но официально эта операция проходила под учетной записью начальника депозитария. Проводилась ли оплата по договору купли-продажи, на основании которого была проведена операция перевода на В-ну 1774 паев, он не знал.

Весьма значимыми для суда были показания аудитора Т. Рождественской, с которой 28 января 2019 года адвокат С.А. Соколов подписал договор на оказание услуг. По запросу адвоката она проводила проверку депозитарной базы компании «Квадро» на наличие операции по зачислению права на ценные бумаги на имя приобретателя В-ны. Аудитор установила, что в базе «Квадро» эта операция имела место, а вот в депозитарной базе информации по всем операциям за декабрь 2012 года с паями по Числову отсутствовала. По Числову аудитор не обнаружила сведений и в бухгалтерской

базе, что подтверждало фальсификацию договора 6 декабря 2012 года между ним и В-ной. Заключение аудитора подтвердила в суде и эксперт по финансовым вопросам Р. Лукьянова.

Читая материалы дела по обвинению К-ва в мошенничестве, просто удивляешься, как мог следователь не допросить свидетелей, которые пришли в суд по инициативе защиты, почему закрывались глаза на то, что договор между В-ной и Числовым был, как говорится, шит белыми нитками и стал основанием для возбуждения уголовного дела против К-ва.

За названные недоработки, судя по приговору, суд поставил следствию жирную двойку. В приговоре записано, что показания подсудимого К-ва, противоречащие версии следствия о том, как развивались события, подтверждаются показаниями пяти свидетелей защиты, данными ими в суде, а также документами об отсутствии исполнительного производства по судебному решению от 31 августа 2015 года, заключениями финансово-технической и почерковедческой экспертиз. А вот показаниям потерпевшего В-ны и свидетеля Числова суд не доверяет, так как они противоречивы, запутаны и не конкретны.

Такой оценке предшествовала правовая оценка действий участников судебного процесса адвокатом С.А. Соколовым. Прежде всего он опроверг позицию следствия о том, в случае реализации исполнительного листа, выданного на основании заочного решения Реутовского суда от 8 августа 2015 года,

единственным получателем денежных средств был бы К-в. Мнение следователя основывалась на договоре уступки права требования от 26 марта 2014 года. Этот договор был заключен между компанией «Квадро» и компанией «Сентелпа». Его подписал К-в как за «Квадро», так и за «Сентелпу». В «Квадро» в тот период он был генеральным директором, а от «Сентелпы» у него была доверенность. Данным договором право требования с В-ны денежных средств переходило к компании «Квадро». Но следователь не учел, что основным учредителем «Квадро» была компания «Сентелпа», а у К-ва была доля в размере 0,1 процента. В связи с этим К-ва нельзя считать владельцем «Сентелпы».

Адвокат подчеркнул, что, согласно статье 53.2 Гражданского кодекса РФ, если физические и юридические лица способны оказывать влияние на предпринимательскую деятельность юридических и (или) физических лиц, то оценка обстоятельств, наличие или отсутствие аффилированности и ее последствия определяются в соответствии с Законом РСФСР от 22 марта 1991 г. № 984-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Факты юридической, экономической и иной подконтрольности, в том числе на основании взаимозависимости контрагентов, а также обстоятельства, свидетельствующие о согласованности действий участников хозяйственной деятельности, сами по себе не свидетельствуют о недействительности сделок между юридическими лицами, от имени

которых договор подписывает одно и то же лицо. Не менее важной была ссылка на пункт 1 статьи 53 Гражданского кодекса РФ. Согласно этой правовой норме, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Таким образом, действия единоличного руководителя юридического лица признаются действиями самого юридического лица.

Опираясь на действующее Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 марта 2014 года, С.А. Соколов напомнил суду, что при необходимости защита прав юридического лица в случаях совершения сделки его единоличным исполнительным органом, проще говоря – директором, с другим юридическим лицом, где этот же гражданин также является его директором, осуществляется в суде. Это означает, что, когда возникает спор по такой сделке, иск может подать юридическое лицо или его учредители. Применительно к исследуемому в суде уголовному делу если нет судебных решений о недействительности договоров, когда К-в подписывал их от имени обеих сторон, то говорить об их фиктивности, как утверждал следователь, не правомерно.

Адвокат также обратил внимание на то, что имеющиеся в уголовном деле документы не подтверждают факт того, что лично К-в приобрел права на имущество В-ны по итогам заочного рассмотрения судом гражданского спора меж-

ду ним и «Квадро». Ведь обращение гражданина, юридического лица в органы государственной власти, в том числе в суд общей юрисдикции, само по себе не является основанием для уголовного преследования по части 4 ст. 159 Уголовного кодекса РФ даже в том случае, если стороной недобросовестно заявлен неосновательный иск или оказывалось систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Доказательств тому, что подсудимый действовал противоправно, следствие не нашло. Поэтому в действиях К-ва отсутствуют все признаки состава вмененного ему преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса РФ.

Подкрепил этот принципиальный вывод С.А. Соколов и утверждением о том, что К-в, владеющий 0,1% долей в уставном капитале компании «Квадро» (а не 99% – по версии следствия), в соответствии с пунктом 1 статьи 67 ГК РФ и пунктом 1 статьи 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» не мог обратить в свою собственность имущественные права в отношении должников «Квадро», принадлежащие обществу. Напомнил адвокат суду в защитительной речи и о том, что сторона обвинения не представила суду доказательств, что К-в как участник компании «Квадро» с долей в 0,1% в уставном капитале или иные лица неосновательно обогатились (могли обогатиться) за счет личного имущества В-ны по возникшему из заочного решения суда обяза-

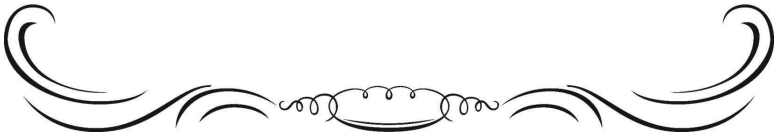
тельству. Ведь решение по этому вопросу имело юридическую силу только в период с 22 декабря 2015 года по 13 октября 2016 года, когда К-в без перерывов находился в колонии общего режима, а представитель «Квадро» С. Горбунова по подписанной К-вым доверенности не предпринимала для взыскания никаких действий.

Подытоживая судебные прения, суд отметил, что стороной обвинения не представлены неоспоримые доказательства совершения К-вым вменяемого ему состава преступления – приобретения права на чужое имущество путем обмана, совершенного в особо крупном размере.

Эту позицию суд отразил в приговоре. Далее в нем сохранился вывод: в предъявленном обвинении К-в не виновен. Поэтому, руководствуясь статьями 296–299, 302–306, 309 УПК РФ, суд приговорил К-ва, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 159 УК РФ, оправдать в связи с отсутствием в его деянии состава преступления. Суд также отменил меру пресечения в виде залога, постановил внесенную в залог денежную сумму возвратить залогодателю по вступлении настоящего приговора в законную силу. За ним признали право на реабилитацию, что было необходимо. Ведь он незаконно содержался под стражей пять месяцев.

Такое судебное решение стало возможным благодаря сформированной с участием С.А. Соколова и его свидетелей позиции, разоблачающей фальсификацию договора от 6

декабря 2012 года. Государственный обвинитель не рискнул обжаловать оправдательный приговор. После истечения 10 дней со дня оглашения он вступил в законную силу.

От обвинения отказываюсь...

Выяснение отношений с помощью кулаков, к сожалению, довольно распространенное явление. Не останавливают драчунов и статьи Уголовного кодекса РФ, в которых установлена ответственность за нанесение побоев тем, кто, как говорится, попал под руку дебоширу или хулигану. Досталось от них и А. Белухину. Он стал участником дорожно-транспортного происшествия. Авария случилась по вине В. Куралова, который управлял другой автомашиной. Как нередко бывает, виновный водитель попытался скрыться с места происшествия, но пострадавший в аварии догнал его и своим автомобилем заблокировал автодорогу.

В. Куралов и его пассажиры, находившиеся в пьяном состоянии, вышли из автомобиля и потребовали пропустить их авто. При этом как бы для большей «доходчивости» адресовали А. Белухину непарламентские выражения и угрозы переломать ему кости. Оценив обстановку, А. Белухин по мобильному телефону связался с отцом и попросил вызвать сотрудников ГИБДД. Этот звонок не охладил агрессивный пыл пьяной компании. В. Куралов и его приятель по пьяному веселью С. Минов стали избивать А. Белухина и подоспевшего ему на помощь М. Колева.

Наблюдали за дракой М. Вадова и Т. Даркина, которые ехали вместе с В. Кураловым и С. Миновым в одной маши-

не. Естественно, они были на стороне последних. Это, видимо, впоследствии повлияло на решение следователя провести расследование таким образом, чтобы обвиняемыми, а затем и подсудимыми в Пушкинском городском суде Московской области стали А. Белухин и М. Колев.

Адвокат Тамара Федоровна Заварзина приняла на себя защиту А. Белухина, когда тот уже находился на скамье подсудимых. Согласно подготовленному следователем уголовному делу, он и

М. Колев обвинялись в совершении хулиганства по предварительному сговору. Виновные в таком преступлении могут оказаться за решеткой на срок до семи лет. Меры наказания предусмотрены в статье 213 Уголовного кодекса РФ. Судя по обвинительному заключению, утвержденному городским прокурором, хулиганские действия А. Белухина и М. Колева выражались в сопротивлении лицу, пресекающему нарушение общественного порядка, с использованием в качестве оружия деревянных палок. В результате В. Куралову и участвовавшему в драке на его стороне С. Минову был причинен легкий вред здоровью.

Кроме того, в обвинительном заключении было написано, что А. Белухин и М. Колев и еще шесть неустановленных следствием лиц из хулиганских побуждений умышленно выражали неуважение к окружающим, нарушали нормы общественной нравственности и общественного порядка на улицах города, мешали отдыху жителей близлежащих домов.

Выводы следствия подтверждались М. Вадовой и Т. Даркиной, которые находились в одной с В. Кураловым и С. Миновым автомашине. И не только. Свидетелями драки были проходившие мимо Солова и Статинова, давшие показания в пользу В. Куралова и С. Минова, которых следствие посчитало потерпевшими.

В общем, на бумаге все выглядело гладко. Но анализируя материалы уголовного дела, Т.Ф. Заварзина отметила, что составлявший обвинительное заключение следователь проигнорировал ряд обстоятельств, имеющих важное значение для принятия судом справедливого решения. К примеру, он не проверил мотивы показаний свидетелей. Пользуясь своим процессуальным правом, адвокат попросила суд сделать перерыв в рассмотрении уголовного дела А. Белухина и М. Колева. Свою просьбу она мотивировала необходимостью выявления всех свидетелей драки и проверки достоверности показаний свидетелей, заявленных стороной обвинения. По мнению адвоката, это нужно сделать потому, что Солова и Статинов обеляли В. Куралова и С. Минова. Эти свидетели сообщили в суде, что А. Белухин, М. Колев и еще шесть человек, вооруженные палками и битами, избивали В. Куралова и С. Минова. То, что телесные повреждения были нанесены А. Белухину, его отцу и М. Колеву, они не видели. Желая показать свою беспристрастность, на вопрос адвоката свидетели ответили, что ни с кем из дерущихся они не знакомы, что, как выяснилось позже, было ложью.

Т.Ф. Заварзина обратила внимание суда на факты причинения легкого вреда здоровью М. Колева и вреда здоровью средней тяжести А. Белухину, что подтверждалось медицинской комиссионной экспертизой о характере, степени тяжести и времени причинения повреждений. Более того, Т.Ф. Заварзина сообщила суду, что в результате нанесенных в ходе драки повреждений отец А. Белухина был признан инвалидом 3-й группы. Так что выставять Куралова и Минова жертвами драки не было оснований.

Раскрыла адвокат и причины необъективности показаний Статинова и Соловой. Она установила, что очевидица драки М. Вадова (девичья фамилия Куралова) и Солова на момент получения паспортов жили в одном микрорайоне «Серебрянка» и учились в одном классе. Этот факт обе женщины скрыли при даче показаний в ходе предварительного следствия и во время судебного заседания. Более того, со слов Статинова и Соловой выходило, что они случайно оказались на месте драки и не были знакомы с потерпевшими, а когда к ним обратилась М. Вадова, указали ей дом, где жили, не называя своих фамилий.

О сговоре лиц, которые по воле следователя фигурировали в качестве потерпевших (Куралову и его приятелю Минову действительно были нанесены телесные повреждения, но они медицинской комиссией были признаны легкими), говорило то, что на первоначальных допросах потерпевшие не упоминали об этих свидетелях. Кроме того, в уголовном де-

ле не было отдельного поручения следователя оперативным сотрудникам установить этих свидетелей. Хотя оперативные мероприятия по поиску Статинова и Соловой не проводились, спустя пять месяцев после происшествия они получили повестки от следователя по почте с указанием фамилии, имени, отчества и точного адреса проживания. Такая «точность» явно свидетельствовала, что следователю подсказали адрес этих свидетелей те, кто был заинтересован в их показаниях.

В то же время следствие не сочло необходимым вызвать в суд сотрудников полиции, которые по вызову А. Белухина на служебной автомашине прибыли к месту происшествия. Эту «погрешность» по инициативе Т.Ф. Заварзиной исправил суд.

В судебном заседании полицейские опровергли показания Статинова и Соловой. Полицейские сказали, что на месте происшествия были две автомашины и две группы людей. А. Белухин, его отец, мать и М. Колев стояли возле «Джипа», С. Минов с друзьями – возле «Ауди». Водителя «Ауди», то есть В. Куралова, возле машины не было. Вадова пояснила в этой связи, что В. Куралов (ее брат) был пьян и убежал. Далее она стала показывать полицейским на случайных прохожих, как на лиц, избивавших В. Куралова и С. Минова. По мнению полицейских, ее слова выглядели пьяной болтовней. Полицейские также подтвердили, что на лицах Белухиных, Колева и Минова были телесные повреждения, кровь. Но ни-

каких других лиц, в том числе с палками, на месте происшествия не было. Нигде не было видно и брошенных палок, хотя Статинов и Солова говорили об их применении драчунами. Отметим полицейские и то, что Белухин и Колев вели себя спокойно, а Минов и его друзья были пьяны, вели себя агрессивно, пытались продолжить в присутствии полицейских драку.

Понимая роль свидетелей для установления истины по данному делу, Т.Ф. Заварзина дала объявление с просьбой откликнуться очевидцам случившейся драки. На ее призыв откликнулась гражданка Сулова. Она опровергла показания Статинова и Соловой о том, что драка длилась 15 минут, и подтвердила показания полицейских о том, что они прибыли к месту происшествия вскоре после приезда отца Белухина на выручку сына. Во время драки эта свидетельница также не видела людей с палками и битами. Такие показания окончательно опровергли показания Статинова и Соловой о том, что в драке на стороне Белухина и Колева участвовали шесть человек.

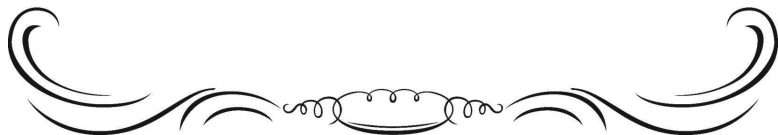
Т.Ф. Заварзина в своей защитительной речи в пользу А. Белухина, когда после перерыва возобновилось судебное расследование, не упустила возможности разоблачить лже-свидетелей. Выслушав ее выступление, участвующий в судебном процессе государственный обвинитель – помощник городского прокурора А. Суханова, которая в силу своего должностного положения должна поддерживать обвинение,

попросила у суда три дня для выработки своей позиции с учетом открывшихся обстоятельств. По истечении этого срока на столе у судьи оказалось ожидаемое адвокатом Т.Ф. Заварзиной заключение государственного обвинителя об отказе в поддержании обвинения по поступившему в суд уголовному делу. В этом важном документе было написано, что в действиях подсудимых отсутствует как объективная, так и субъективная сторона преступления. Умысел А. Белухина и М. Колева на совершение хулиганства в отношении В. Куралова и других лиц, равно как сговор их с неустановленными лицами, которые были вооружены палками и битами в качестве оружия, следствием не доказан.

Да, в действиях А. Белухина и М. Колева формально усматривался признак состава преступления по статье 115 УК РФ в виде причинения В. Куралову и С. Минову легкого вреда здоровью, но первоначально они не имели умысла на причинение им такого вреда. Кроме того, согласно статье 37 Уголовного кодекса РФ, которая называется «Необходимая оборона», не является причинением вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или других лиц от общественно опасного посягательства, если эти посягательства были сопряжены с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, то есть в состоянии необходимой обороны. Необходимая оборона, как известно, признается обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Вследствие правильного применения

этой статьи потерпевшими были признаны бывшие обвиняемые А. Белухин и М. Колев, что позволяло им в рамках гражданского судопроизводства обратиться с исками о возмещении нанесенного им материального ущерба.

Финальным аккордом разбирательства произошедшей драки стало определение Пушкинского городского суда Московской области о прекращении уголовного дела в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения. Такое уникальное решение было принято прокурорским работником благодаря активной профессиональной работе Т.Ф. Заварзиной по защите своего доверителя.

Злополучная находка

Приговор судьи Солнцевского районного суда города Москвы А. Егоровой в отношении В. Тарлукова (фамилия изменена) не был ожидаемым. От имени Российской Федерации она признала подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части 2 статьи 158 Уголовного кодекса РФ. Это означало, что, несмотря на усилия адвоката Игоря Васильевича Туровца, совершенное В. Тарлуковым деяние квалифицировано судом как кража, повлекшая причинение значительного ущерба пострадавшему. Таковым в данном случае был гражданин Л. Венгров (фамилия изменена), который, кстати, поддерживал адвоката и не «жаждал» наказания вора.

Заметим, что под кражей (хищением) понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. По замыслу законодателя, значительный ущерб пострадавшему гражданину определяется с учетом его имущественного положения. При этом установлен только нижний предел такого ущерба. Его размер – 5 тысяч рублей.

В общем, кража – достаточно серьезное преступление, о чем свидетельствуют меры воздействия на лиц, виновных в

ее совершении. Применительно к преступлению, которое совершил, по мнению суда, В. Тарлуков, виновные наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Только благодаря усилиям адвоката подсудимому назначили наказание в виде штрафа.

События в тот злополучный день, а именно 30 июля 2017 года, для В. Тарлукова складывались как нельзя лучше. Будучи генеральным директором крупного уникального производственного объединения, он только что вернулся из заграничной командировки. Именно командировки, а не туристического турне. За рубежом вел тяжелые переговоры и отстаивал экономические интересы российского участника этого объединения в условиях международных санкций, принятых США и странами ЕС в отношении России и его базовых предприятий.

Прилетев в Москву, после непродолжительного общения с семьей отправился в аэропорт «Внуково». Нужно было вернуться в Сургут для оперативного решения производственных задач на предприятии, которым он руководил.

В аэропорту «Внуково» В. Тарлуков прошел в так называемую стерильную зону на втором этаже терминала «А». Часы показывали 23 часа. Хотя до этого момента более двух суток он провел без отдыха, хотелось не спать, а кушать. До объявления посадки на самолет оставалось несколько минут. В. Тарлуков решил, что успеет перекусить и зашел в пустующее кафе «Пресня». Рядом был бар «Хамовники», где у скучаю-

щего бармена он купил бокал пива и чипсы. В. Тарлуков поставил кейс на барный стул и увидел кошелек черного цвета. Не задумываясь о последствиях, машинально взял кошелек, не подумав о том, что совершает преступление и таким действием бросает тень на свою репутацию как честного, высоко нравственного человека. А подумать об этом надо было.

Дремавшему бармену о находке В. Тарлуков не рассказал. Выпив пиво, как говорится, «на дорожку» зашел в туалет. Здесь же изучил содержимое кошелька. В нем находились водительское удостоверение гражданина Украины, банковская карта «Сбербанка» и деньги. В. Тарлуков выкинул кошелек и документы, а деньги в сумме 80 000 рублей оставил у себя, положив их в карман.

Подобные действия людей характеризуются словами «черт попутал». Ведь всем известно, что ни при каких обстоятельствах нельзя присваивать чужое имущество. В таких случаях, видимо, срабатывают собственнические инстинкты. Они пересиливают нравственные устои человека, оправдывают его действия по сокрытию нежданно-негаданно доставшихся ценностей.

Выйдя из туалета, В. Тарлуков услышал голос диктора, приглашающий пассажиров, улетающих в Сургут, на посадку. Полицейских рядом не было. Зайти в отделение полиции или к работникам аэропорта и передать находку, как показалось В. Тарлукову, времени уже не было. Решил идти на посадку в самолет, подумав, что если найдется хозяин денег,

то вернет их ему. Может быть, он летит вместе с ним в одном самолете, что по иронии судьбы так и было. Материальное положение В. Тарлукова было достаточно устойчивым. Как генеральный директор крупного предприятия он был платежеспособен и по первому же требованию был в состоянии отдать 80 000 рублей.

Раздел 1. Как адвокаты защищают подсудимых

Сделать это ему пришлось. Но лишь после того, как он стал подозреваемым в совершении кражи чужого имущества с причинением потерпевшему значительного ущерба. О том, что его разыскивают, В. Тарлуков узнал через две недели, когда его задержали в аэропорту «Внуково» по прилете из Сургута для встречи со своей семьей.

Владельцем кошелька был Л. Венгров, который тем же ночным рейсом летел в Сургут. Он тоже перед полетом зашел в кафе «Хамовники», где выпил бокал пива, закусил гренками. Видимо, слегка расслабившись, пошел на посадку, забыв кошелек на стуле, на котором сидел. Пропажу кошелька обнаружил в автобусе, подвозящем пассажиров к самолету. На борту самолета никому не сообщил о том, что забыл кошелек в кафе, но написал смс-сообщение жене о его утрате в кафе «Хамовники».

Так как уже была ночь, жена Л. Венгрова только на следующее утро дозвонилась в кафе и сообщила его директору о случившейся с ее мужем беде. Директор перемотал круглосуточную видеозапись минувших событий дня. На ней за-

фиксировалось, что в 23 часа мужчина оставил кошелек в кафе на барном стуле. Через несколько минут другой посетитель взял этот кошелек и, после того как выпил пиво, ушел с находкой. Определить, сколько денег было в кошельке, как пишут в полицейских протоколах, «не представлялось возможным». Сумма 80 000 рублей была названа владельцем кошелька, и то, что В. Тарлуков подтвердил ее наличие в кошельке, свидетельствовало о его честности. Судья же этот факт использовал для того, чтобы квалифицировать действия В. Тарлукова как кражу, в результате которой пострадавший понес значительный ущерб.

Прилетев 4 августа 2017 года из Сургута в Москву, Л. Венгров зашел в линейное отделение полиции аэропорта «Внуково» и написал заявление об утере кошелька. Это заявление стало основанием для возбуждения уголовного дела и его последующего рассмотрения в суде с вынесением обвинительного приговора. Этого приговора могло и не быть, если бы А. Егорова, согласилась с аргументами адвоката И.В. Туровца, защищавшего В. Тарлукова.

В защитительной речи адвокат говорил, что, общаясь со следователем, его подзащитный не хитрил и признал, что нашел кошелек, но планировал вернуть деньги, если найдется их хозяин. В дальнейшем, когда узнал о его существовании, вернул не только 80 000 рублей, но купил ему новый кошелек и дополнительно дал 20 000 рублей в качестве компенсации морального вреда.

Для Л. Венгрова эта сумма была значительной, так как его средняя зарплата составляла 30 000 рублей. При этом его супруга не работала, на иждивении была малолетняя дочь. На следствии и в суде Л. Венгров подтвердил, что В. Тарлуков в полном объеме возместил ущерб, и он не имеет к нему претензий.

Казалось бы, в такой ситуации судья мог согласиться с доводами адвоката, полагавшего, что кражи, да еще с причинением значительного ущерба потерпевшему, его подзащитный не совершал. И действительно, как было сказано выше, кража – это тайное похищение имущества другого лица. Коль тайное, значит В. Тарлуков должен был действовать в присутствии Венгрова, да так, чтобы тот не заметил пропажу кошелька. Далее адвокат говорил, что из владения потерпевшего кошелек выбыл по его же вине, и В. Тарлуков этому никак не содействовал. Он нашел утерянное чужое имущество, не имея умысла на его кражу. Если во время следствия В. Тарлуков сказал бы, что в кошельке находилось не 80 000, а 800 рублей, никто бы не смог доказать иное. Как известно, устанавливать видеокамеры в туалетах еще не додумались. Наличие видеозаписи, сделанной у стойки бара, подтверждало лишь то, что В. Тарлуков взял кошелек, а не то, что в нем находилось 80 000 рублей.

Понимая это, Л. Венгров по своей инициативе на судебных заседаниях дважды заявлял мотивированные ходатайства о прекращении уголовного дела и уголовного пресле-

дования подсудимого. Условия для такого решения определены в статье 25 Уголовно-процессуального кодекса РФ. В ней записано, что на основании заявления потерпевшего суд вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса РФ. В этой статье установлено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Случай с кошельком стопроцентно попадал под описанную федеральным законодателем ситуацию и закрепленную в статье 76 Уголовного кодекса РФ. Подсудимый и пострадавший не только помирились. Последний просил прекратить судебное разбирательство.

Однако судья была непреклонна: совершивший преступление должен быть наказан. Между тем федеральный законодатель требует от судей, чтобы они были объективны, учитывали личность подсудимого, его семейное и материальное положение. О том, что В. Тарлуков был до случившегося законопослушным и честным человеком, говорило то, что он руководил крупным предприятием, не потратил чужие деньги и, когда появилась возможность, вернул их владельцу. О том, что В. Тарлуков порядочный и, как писали в характеристиках советского периода, морально устойчивый человек,

свидетельствовало и то, что на его полном иждивении находились больной ребенок, а также супруга, которая не могла устроиться на работу, так как ребенку нужен был постоянный уход. Кроме того, на плечах В. Тарлукова были престарелые родители.

Следует заметить, что на законодательном уровне регулируется порядок возвращения находок. Стремясь изменить квалификацию действий В. Тарлукова, его адвокат напомнил судье содержание статьи 227 Гражданского кодекса РФ. В ней определены действия лица, нашедшего потерянную вещь. Нашедший обязан немедленно уведомить об этом человека, который потерял ее, либо других лиц, которые могли бы вернуть потерянную вещь ее собственнику. Если же вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта. Если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, не известно, то нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления.

В тех условиях, в которых находился В. Тарлуков, выполнить требования статьи 227 Гражданского кодекса РФ можно было, отдав кошелек бармену. Видимо осознавая, что он упустил такую возможность, В. Тарлуков признал свое преступление, раскаялся в нем и возместил убытки потерпевшему. Но этих действий суд как бы не заметил.

Реагируя на складывающуюся в суде ситуацию, адвокат

отметил, что, в конце концов, если суду «очень хотелось» подвести В. Тарлукова под уголовную статью, то его действия следует квалифицировать по части 1 статьи 330 Уголовного кодекса РФ. В ней установлена ответственность за самоуправство. Под самоуправством понимается самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку, совершение каких-либо действий, которые оспариваются организацией или гражданином. Эта статья действует, если такими действиями причинен существенный вред. Виновные в самоуправстве наказываются штрафом в размере до 80 000 рублей либо исправительными работами на срок до двух лет либо арестом на срок до шести месяцев.

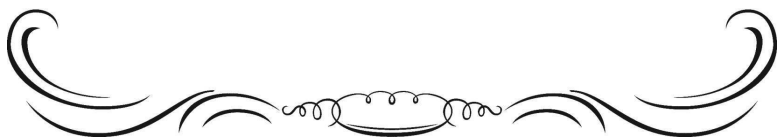
Но и эту «подсказку» суд не учел. Как уже сказано, он признал Тарлукова виновным в совершении преступления, предусмотренного упомянутым в начале нашего рассказа пунктом «в» части 2 статьи 158 УК РФ. В качестве меры наказания ему был назначен штраф в размере 80 000 рублей.

Факт признания Тарлукова преступником мог бы негативно отразиться на его карьере, отрицательно сказаться на материальном положении семьи. То, что В. Тарлукова судья не лишила свободы, ничего не меняло. Клеймо преступника от имени государства к нему было приклеено.

И.В. Туровцев после получения приговора подготовил апелляционную жалобу в вышестоящий суд, где нашел необходимую поддержку.

Правовые и моральные оценки совершаемых людьми деяний, как известно, не всегда совпадают. Вот и в данном случае если бы В. Тарлуков с самого начала поступил по совести, то есть нашел бы возможность передать находку бармену кафе или персоналу аэропорта, то последующих событий не было бы. Как вполне разумный человек, он должен был понимать, что, выбросив в туалете чужой кошелек, а находящиеся деньги положил в свой карман, наносит существенный материальный ущерб человеку, который их потерял.

Другие люди в таких случаях поступают иначе. В дни проведенного в нашей стране мирового чемпионата по футболу, например, иностранцы забывали свои вещи, деньги и документы в гостиницах, в поездах, в такси. Граждане, которые обнаруживали такие «подарки», находили время и возможность вернуть утраченные ценности их владельцам. Никто из россиян не поддавался соблазну присвоить чужое добро. Во всех случаях с помощью полиции утраченное имущество возвращалось законным владельцам. Думается, что часто звучавшие по телевидению слова футбольных фанатов «Спасибо, Россия» были адресованы и тем, кто совершил такие бескорыстные поступки.

Виновен, но не осужден...

Для того чтобы обеспечить надлежащую защиту подсудимого, адвокату порой необходимо погрузиться в море бухгалтерских цифр. Без осмысления расчетов между поставщиками услуг и потребителями не всегда получается выстроить линию защиты. Однако это занятие не из приятных. Особенно когда у поставщика услуг множество потребителей и к нему много претензий с их стороны. Значимость такой работы адвоката обусловлена тем, что от суммы финансовых претензий к обвиняемому зависит квалификация совершенных им деяний. Следовательно, в случае признания обвиняемого преступником количество лет лишения его свободы будет определяться с учетом стоимости похищенного или суммы нанесенного пострадавшим ущерба.

В уголовное дело, требующее проверки и перепроверки бухгалтерских проводок, адвокат Дмитрий Михайлович Куртергин вступил на стадии его досудебного расследования. И это оказалось весьма своевременным. Его подзащитным в данном случае был Борисов, обвиняемый в совершении двух преступлений. Первое – предусмотренное статьей 159 Уголовного кодекса РФ, второе – статьей 201 Уголовного кодекса РФ. Статьей 159 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество. Под таковым понимается хищение чужого имущества или приобретение права на чу-

жое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В зависимости от размера похищенного виновному грозит лишение свободы до 10 лет. Борисова обвиняли по части 1 этой статьи, согласно которой его могли приговорить к лишению свободы на срок до двух лет. Данной нормой в качестве альтернативных мер уголовного наказания предусмотрены и другие санкции, в том числе штраф в размере до 120 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года.

Статья 201 Уголовного кодекса РФ предназначена для лиц, выполняющих руководящие функции в коммерческой или иной организации. Борисов был директором коммерческой организации – общества с ограниченной ответственностью «Комфорт». Значит, подпадал под данную статью. Статья 201 Уголовного кодекса РФ применяется в отношении директоров в тех случаях, когда они используют свои полномочия вопреки законным интересам руководимой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Первой частью этой статьи установлено, что виновного в их совершении могут оштрафовать на сумму до 200 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев. И не только. Он может быть

приговорен к лишению свободы на срок до четырех лет.

Вторая часть статьи 201 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за те же деяния, но повлекшие более тяжкие последствия. Виновные в их совершении наказываются строже. Им грозит штраф в размере до 1 миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или лишением свободы на срок до 10 лет. Предусмотрена также возможность наказать преступника лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Борисова обвиняли в совершении деяний, предусмотренных первой частью статьи 201 Уголовного кодекса РФ. Такая квалификация была обусловлена тем, что, по мнению следователя, ущерб, который он нанес во время работы руководителем ООО «Комфорт», был относительно невелик, немногим более 9 миллионов рублей.

Из названия ООО «Комфорт» легко догадаться, чем занималось это предприятие. Да, действительно ООО «Комфорт» было создано для деятельности в сфере оказания коммунальных услуг – поставки тепла, горячей воды потребителям-организациям и населению города Козловка и Козловского района Чувашской Республики. Размещался «Комфорт» в помещении, арендуемом в ООО «Консенсус», с которым, как считал следователь, заключал договоры аренды по завышенной арендной ставке. Договоры с этим ООО за-

ключались и на различное оборудование. Например, в договоре аренды оборудования с полным циклом, необходимого для переработки природного газа в тепловую энергию, стояла цена в размере 1 198 000 рублей. Следователь же установил, что рыночная цена такого оборудования была 841 949 рублей. Перепроверка адвокатом этой цены подтвердила расчеты следователя. Пришлось согласиться с ней. Подобных договоров было шесть. Завышенная цена договоров отрицательно влияла на финансовое состояние ООО «Комфорт» и привела к значительному увеличению его кредиторской задолженности. Естественно, из-за этого «Комфорт» лишился прибыли. Всего от «сотрудничества» с ООО «Консенсус» только за счет незаконного увеличения стоимости арендной платы в его пользу из финансового фонда «Комфорт» было неправомерно выведено свыше 3,1 миллиона рублей.

Более масштабными были финансовые расходы «Комфорта» за поставки природного газа, осуществляемого ООО «Газпром межрегионгаз». Отношения между ними также строились на договорной основе. При этом И. Борисов, заведомо зная о том, что руководимое им предприятие не сможет в полном объеме выполнять взятые на себя обязательства по оплате ООО «Газпром межрегионгаз» природного газа, лично либо через своего заместителя заключал договоры на его поставку. За осенне-зимний сезон 2012/2013 годов газовщики поставили природного газа на сумму более

чем на 28 миллионов рублей. «Комфорт», переработав его в тепловую энергию и горячую воду, реализовал их потребителям на сумму свыше 41 миллиона рублей. Потребители, в свою очередь, перечислили «Комфорту» 37 миллионов рублей. Так что денег для расчетов с газовщиками у «Комфорта» было достаточно, но И. Борисов перевел им лишь 17,5 миллиона рублей и тем самым увеличил задолженность руководимого общества.

В связи с неполучением ожидаемых денег руководство «Газпром межрегионгаз» сначала ограничило, а затем и вообще прекратило поставку природного газа ООО «Комфорт». Причем на вполне законных основаниях. Право на такое решение газовщиков закреплено в Федеральном законе от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации».

От неумелого убыточного руководства И. Борисовым введенным ему предприятием пострадали жители, проживающие в жилых помещениях 32 многоквартирных жилых домов города Козловка и Козловского района Чувашской Республики, а также муниципальные бюджетные учреждения. Они перестали получать горячую воду. Хорошо, что наступило лето. Как считал следователь, каких-либо мер И. Борисов для того, чтобы восстановить подачу горячей воды, не принимал. В результате у него началась черная полоса жизни, проявившаяся в увольнении с должности директора ООО «Комфорт», возбуждении уголовного дела и, есте-

ственно, недовольства граждан, оказавшихся без горячей воды. Вот такой клиент стал подзащитным адвоката Д.М. Кутергина.

Изучив материалы дела, он пришел к выводу, что не во всех вменяемых Борису прегрешениях он виновен. Многие его действия объяснялись желанием «держать на плаву» вверенное ему предприятие. Но не согласиться с утверждением следователя, что Борисов действовал вопреки законным интересам ООО «Комфорт», оснований не было. Факты – упрямая вещь.

Работа адвоката не сводится к отрицанию собранных следствием сведений и доказательств. Поэтому Д.М. Кутергин признавал, что Борисов совершил преступление, предусмотренное частью 1 статьи 201 Уголовного кодекса РФ. Но в то же время адвокат настаивал на том, что одно и то же деяние не может квалифицироваться по двум статьям Уголовного кодекса РФ. Поэтому обвинение И. Борисова в мошенничестве, то есть более опасном преступлении, влекущем более строгое наказание, по мнению адвоката, не соответствовало обстоятельствам совершенных подследственным деяний. Ведь он не похищал чужое имущество путем обмана и не обогащался незаконным способом за счет ООО «Комфорт». Следователь согласился с доводами адвоката. В связи с этим во время следствия Борисова не арестовали, мерой пресечения для него была избрана обязательная явка по вызову в следственные органы и в суд.

Во время судебного разбирательства Д.М. Кутергин попытался снизить градус гнева и недовольства Борисовым со стороны свидетелей из числа жителей домов, куда не подавалась горячая вода в летний период. Он доказал, что, если бы они платили деньги за получение горячей воды, их расходы были бы больше, чем оплата поступающего в дома природного газа.

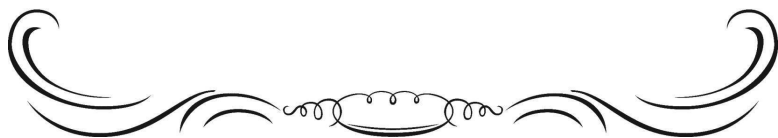
По просьбе адвоката из обвинительного заключения было исключено обвинение Борисова в том, что из-за его действий был нанесен существенный вред детскому саду «Пчелка». Оказалось, что данное дошкольное учреждение было образовано и начало действовать в октябре 2013 года, то есть за пределами летнего периода, указанного в обвинительном заключении. Адвокат установил также, что без участия И. Борисова было подписано несколько договоров с ООО «Консенсус». В связи с этим сумма ущерба, нанесенного его действиями, была снижена. Удалось Д.М. Кутергину доказать также, что гражданский иск «Газпром межрегионгаз» к ООО «Комфорт» о возмещении причиненного ему материального ущерба не имеет причинно-следственной связи между действиями подсудимого и задолженностью руководимого им предприятия. Кроме того, адвокат сообщил суду, что ООО «Комфорт» погасило долг за поставку газа в период работы Борисова директором. Поэтому претензии гражданского истца к нему необоснованные. Суд счел такие доводы правомерными и предложил истцу провести дополнительные рас-

четы при составлении нового иска. При этом решать в дальнейшем этот спор следует в порядке гражданского судопроизводства между юридическими лицами.

В то же время обвинение в нарушении И. Борисовым части 1 статьи 201 Уголовного кодекса РФ оставалось. В связи с этим адвокат напомнил суду о том, что подсудимый имеет на иждивении двоих детей, ранее не судим, по месту жительства и работы характеризуется положительно, нигде на учете по компрометирующим основаниям не состоит. Для решения вопроса об уголовной ответственности человека, находящегося на скамье подсудимых и выбора санкции для его наказания наличие положительной характеристики имеет важное значение. Поэтому адвокаты иногда по крохам собирают необходимые сведения. В случае с Борисовым положительную характеристику удалось подготовить быстро. И все-таки суд признал И. Борисова виновным в совершении преступления, предусмотренного названной нормой. Ему назначили наказание в виде лишения свободы сроком в один год и шесть месяцев. В то же время, как просил адвокат, назначенное наказание было условным, с испытательным сроком в два года. Но более важной частью приговора стали строки об освобождении И. Борисова от назначенного судом наказания на основании пункта 9 Постановления Государственной Думы «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне». Кроме того, на основании пункта 12 этого постановления суд снял

с него судимость.

В том, что так благополучно закончилось уголовное преследование И. Борисова, бесспорно, есть и заслуга Д.М. Куртина. Ему удалось перевести обвинение своего подзащитного с более строгого состава преступления на состав меньшей общественной опасности, что стало основанием для применения к подсудимому амнистии. Столь гуманная мера государства не означает, что власть проводит политику всепрощенчества. Нет, конечно. Объявляя амнистию, государство дает шанс осужденным стать на путь исправления без лишения свободы. И адвокаты делают все возможное, чтобы не упустить этот шанс в отношении своих доверителей. Естественно, когда для этого имеются правовые основания.

Двойная защита

Защищая своих доверителей, адвокатам приходится не только возражать следователям, выступать с защитительными речами в судах. Доказывать невиновность доверителей иногда им приходится и преступным группировкам. Так было, когда Сергей Саидович Ахундзянов приступил к защите заместителя председателя правления одного из столичных банков Бергова. Его обвиняли в том, что он с двумя своими сообщниками путем мошенничества похитили 801 миллион рублей.

Во время судебных заседаний государственный обвинитель настаивал на том, чтобы Бергова суд наказал «на полную катушку», то есть приговорил к 10 годам лишения свободы, так как считал его организатором преступной группы.

Этот срок был максимальным по статье 158 Уголовного кодекса РФ, в нарушении которой обвинялся Бергов. С таким предложением обвинения не соглашался адвокат. В защитительной речи С.С. Ахундзянов изложил весомые аргументы, разрушающие позицию обвинения, доказывающие невиновность его доверителя и двух его товарищей по несчастью, оказавшихся на скамье подсудимых.

Вот какую картину представил суду адвокат. Чтобы отвергнуть обвинение в хищении «чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием», С.С. Ахундзянов на-

помнил суду, что обман предполагает сознательную дезинформацию контрагента с целью побудить его по собственной воле передать имущество мошеннику.

Однако каких-либо ложных сведений Бергов не сообщал владельцу банка во время работы в должности заместителя председателя правления. Наоборот, владелец банка с целью внедрения новой кредитной схемы финансирования подконтрольных предприятий предложил Бергову стать поручителем по кредитным договорам между этими предприятиями и банком. Таким способом соблюдался порядок выдачи кредитов.

Члены кредитного комитета банка, одобрявшие указанные кредитные договоры, были осведомлены о том, что у Бергова не было имущества на сумму кредитов. Но на это отступление от действующих правил выдачи кредитов они закрыли глаза. Ведь, по словам владельца банка, деньги будут оставаться в банке, а кредитная операция затеяна для того, чтобы создать подконтрольным предприятиям положительные кредитные истории.

Значит, корысти Бергова в том, что он стал доверителем по кредитным договорам, не было. Таков был первый аргумент, подтверждающий невиновность подзащитного С.С. Ахундзянова. Во время судебного заседания адвокат отметил несостоятельность доводов стороны обвинения о том, что Бергов занимался хищением чужого имущества с использованием служебного положения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.